

NEWS

OF THE NATIONAL ACADEMY OF SCIENCES OF THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN
SERIES OF SOCIAL AND HUMAN SCIENCES

ISSN 2224-5294

Volume 6, Number 304 (2015), 19 – 60

FUNERAL CEREMONY OF EARLY NOMADS FROM THE TOP ILEK (ON THE MATERIALS OF THE BURIAL GROUND SAPIBULAK)

A. M. Mamedov, E. P. Kitov

Aktobe Regional State Inspectorate for Protection of Historical and Cultural Heritage, Aktobe, Kazakhstan,
Archaeology Institute named after A. Kh. Margulan, Almaty, Kazakhstan.
E-mail: mamedovaslan@mail.ru, kadet_eg@mail.ru

Keywords: IleK, Sapibulak, sarmatian culture, anthropology of early nomads.

Abstract. Materials of excavations of burial ground of Sapibulak are published in this article. A burial ground behaves to the monuments of overhead IleK. The got materials, reflecting the culture of population of South Urals of early ferrous century, present large interest. At research new data were got on a funeral ceremony, material culture and anthropology of early nomads. Funeral ceremony, especially lithoidal gravestones constructions are original and rare for the monuments of South Urals and once again convinces us of perspective of study of pool IleK.

УДК 903.53(574.13)“638.3”

ПОГРЕБАЛЬНЫЙ ОБРЯД РАНИХ КОЧЕВНИКОВ ВЕРХНЕГО ИЛЕКА (ПО МАТЕРИАЛАМ МОГИЛЬНИКА САПИБУЛАК)

A. M. Мамедов, Е. П. Китов

Актюбинская областная государственная инспекция по охране историко-культурного наследия,
Актобе, Казахстан,
Институт археологии им. А. Х. Маргулана, Алматы, Казахстан

Ключевые слова: Илек, Сапибулак, сарматская культура, антропология ранних кочевников.

Аннотация. В статье в научный оборот вводятся данные могильника Сапибула. Памятник относится к древностям верхнего Илека. Публикуемые в данном издании материалы, безусловно, представляют собой большой интерес. В ходе изучения памятника получены принципиально новые данные по вопросам погребального обряда, материальной культуры, антропологии населения раннего железного века региона. Каменные погребальные сооружения, выявленные в ходе раскопок на могильнике Сапибулак, выделяют данный памятник в круге синхронных древностей не только Казахстана, но и сопредельных территорий. Полученные материалы показывают большое значение памятников бассейна реки Илек и ставят новые вопросы.

Введение. В 2009 г. совместной международной экспедицией под руководством А. А. Бисембаева¹ проводились исследования могильника Сапибулак, погребальные комплексы которого дали интересные материалы, как по погребальному обряду, так и по материальной культуре древних кочевников.² Материалы этого замечательного комплекса увидели свет лишь отчасти. Поэтому авторы решили необходимым представить научной общественности материал полностью.

Могильник Сапибулак занимает ровную площадку третьей надпойменной террасы правого берега р. Тамды (приток р. Илек) в 5 км к северо-востоку от пос. Есет ата ауылы (бывш. Павловка) Алгинского района Актюбинской области. Памятник состоял из 15 курганов с каменно-земляными насыпями и каменных оград вытянутых широкой полосой с северо-востока на юго-запад. Курган 1,

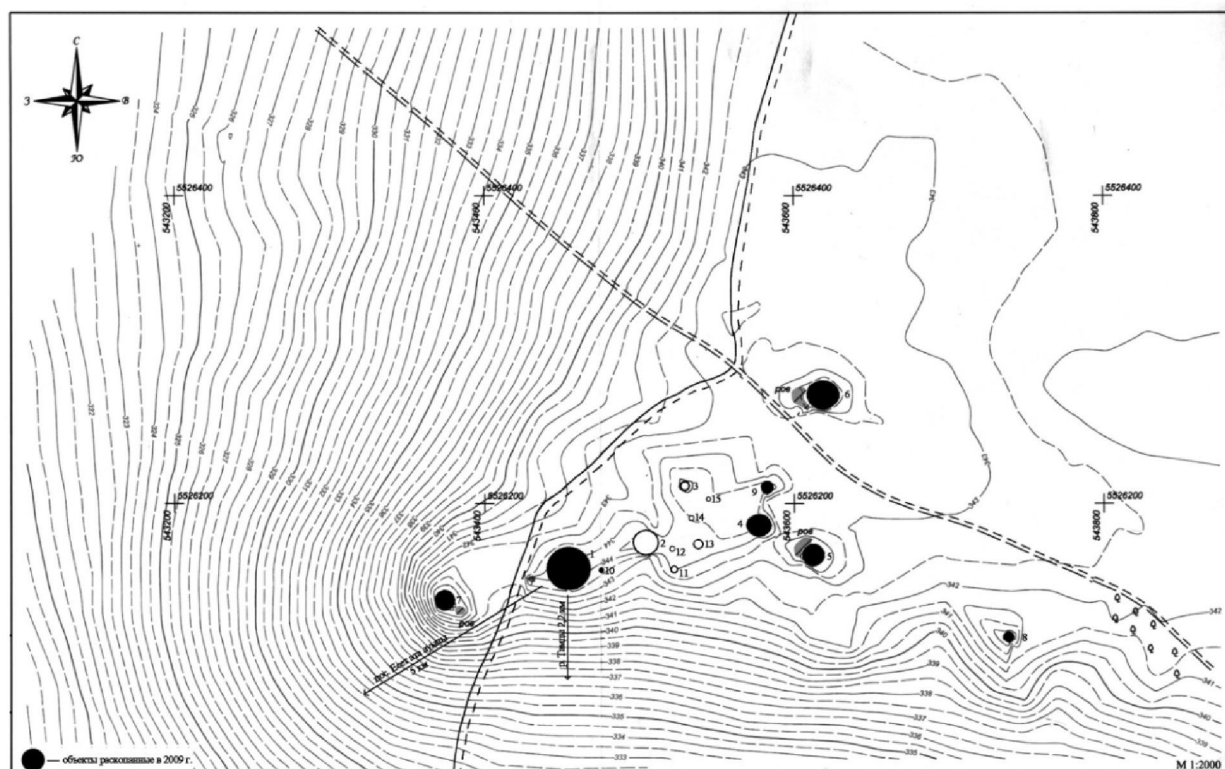

Рисунок 1 – План могильника Сапибулак

самый крупный в могильнике, расположен юго-западнее от основной группы объектов (2-5, 9-15). Курганы 6-7 находились западнее и северо-восточнее и отделялись от остальной части проселочной дорогой. Курган 8 находился восточнее кургана 1, располагаясь в стороне от основной части объектов на небольшом мысу (рисунок 1).

Результаты исследования

Курган 1 был воздвигнут на протянувшемся с северо-востока на юго-запад едва заметном поднятии. Среди прочих курганов выделялся своими размерами. Его диаметр 28-29 м, высота 1,95 м от уровня современной дневной поверхности. Насыпь кургана в плане округлой, в разрезе полусферической формы, южная сторона имела пологий склон. На поверхности кургана были видны отдельные камни (рисунок 2, 1).

После снятия насыпи под северо-западным, северным и северо-восточным основаниями кургана были выявлены темные пятна, представлявшие собой заполнение рвов окружавших насыпь кургана. В процессе расчистки выяснилось, что выступавшие камни представляют собой два каменных кольца, сооруженные из различных по размерам плит и блоков. Диаметры внешнего и внутреннего колец 20 и 17 м соответственно. Северная, северо-восточная и восточная стороны внешнего кольца конструкции были сооружены из больших каменных блоков положенных горизонтально, образуя кладку в 2-3 ряда. В остальной части камни подкурганной конструкции располагались вертикально или находились под наклоном, и верхняя часть была обращена во внешнюю сторону. В северо-восточной части для устойчивой установки камней была произведена срезка грунта до материка. Внутри кольца были зафиксированы каменные плиты, идущие широкой полосой от северо-западной и юго-восточной стенки к центру кургана. Могильный выкид в виде светлого суглинка был устлан тонким слоем на погребенную почву. Он фиксировался в основном внутри внутреннего кольца и за его пределами. По верху выкида покоилась органика коричневого цвета растительного происхождения (чилига? (*Cetisus biflorus*)). Внешнее каменное кольцо было построено на слое из однородного коричневого суглинка, вероятно, сформированного как вал. Внутренняя часть кольца была заполнена песком белесого цвета.

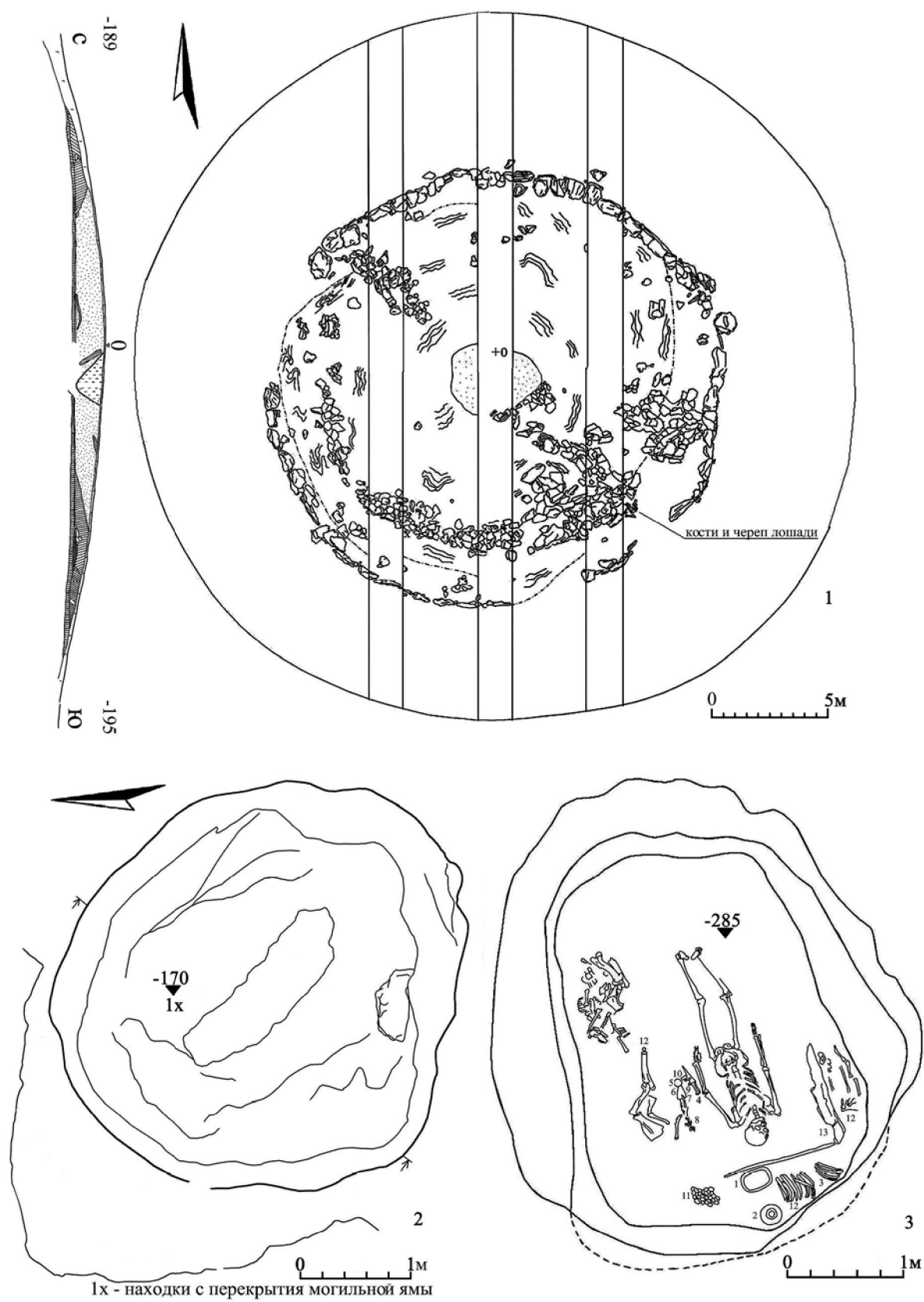

Рисунок 2 – Могильник Сапибулак, курган 1.
1 – план и разрез бровки кургана; 2 – план погребения на уровне перекрытия; 3 – план погребения

В юго-восточной части кургана в процессе расчистки камней внутреннего кольца были обнаружены кости передней ноги и череп лошади. Кости располагались под камнями хаотично. В юго-западной части возле камней внутреннего кольца был найден фрагмент донной части глиняного сосуда, орнаментированного рядами вертикально прочерченных линии. Переход от тулова ко дну плавный. Тесто в изломе черного цвета (рисунок 3, 11).

Могильная яма находилась по центру кургана. На уровне древней погребенной почвы пятно могильной ямы выделялось супесью белесоватого цвета, образовавшегося в результате проседания насыпи. На этом уровне контуры ямы имели в плане подовальную форму с размерами 3,93х3,6 м, ориентированную с северо-востока на юго-запад. Яма была перекрыта деревянным перекрытием, следы которого прослеживались до глубины 2,1 м. Оно состояло из небольших бревен (сохранившийся диаметр 8-10 см), к моменту раскопок сильно сгнивших и деформированных. Судя по ним, бревна перекрытия лежали по оси северо-запад – юго-восток. Сверху перекрытие также было перекрыто настилом (рисунок 2, 2).

При выборке грунта могильной ямы на глубине 1,7 м были найдены положенные поверх перекрытия комплект уздечного набора состоящего из:

- двух железных сильно корродированных удил с двудырчатыми псалиями. Удила изготовлены из круглого в сечении прута диаметром около 1-1,5 см. Длина отдельного звена удил 11,5-11,8 см. Псалии стержневидные с уплощением на месте отверстия и, вероятно, с зооморфными окончаниями. Одно из сохранившихся окончаний стилистически напоминает голову лошади. Плохая сохранность изделия не позволяет определить его первоначальные размеры. Сохранившаяся длина изделия 20,7 см, диаметр – 1,1 см (рисунок 3, 1-2);

- двух больших железных колец диаметром около 19 см, скорее всего, выполнявших роль подпруги. На одном из колец имеется штифт для крепления ремней (рисунок 3, 3).

- четырех бронзовых обойм для перекрестных ремней в виде головы хищной птицы (орел?) или грифона с четко выраженным изображением клюва и глаз. Из четырех две обоймы имеют дополнительные детали в виде плоского щитка на затылке (рисунок 3, 4-7).

- одной бронзовой бляхи с изображением головы грифона. Изделие в затылочной части имеет зооморфное превращение, выполненное также в виде головы птицы, стилистически напоминающее изображение на перекрестных обоймах (рисунок 3, 8).

- одного бронзового налобника в виде головы травоядного животного (лошади?). У изделия наиболее детализированы длинные уши с раковинами и холка животного. Наименьшей прорисовке подвержены глаза и морда (рисунок 3, 9).

Рядом с последними находились фрагмент железного изделия и лепной сосуд. Железный фрагмент представлял собой плоскую пластину длиной 12,6 см, шириной 2-3,2 см, толщиной 0,3 см (рисунок 3, 10). Сосуд небольших размеров, плоскодонный, имеет слабо деформированное тулово, по очертаниям приближающееся к яйцевидной форме. Тулово сосуда плавно переходит в вогнутую невысокую шейку. Отогнутый венчик, имеет разные профили сгиба, в некоторых местах переходя в прямостоящее горло. Венчик по верху носит следы заглаживания. Сосуд без орнаментов. Поверхность сосуда, лошенная со следами воздействия огня. Основная часть сосуда светло-коричневого цвета с красноватым оттенком. Обжиг неравномерный с черным нагаром в верхней части сосуда. Высота сосуда – 13,6 см, диаметр венчика – 9,9 см, диаметр шейки – 9,5 см, максимальный диаметр тулова – 13,1 см, диаметр дна – 8,2 см (рисунок 3, 12).

Ко дну ямы приобретала форму неправильного прямоугольника длиной 3,3 м, шириной 2,36 м, глубиной от уровня погребенной почвы 2,85 м. Северная, восточная и южная стенки могильной ямы в верхней части носят следы разрушения – скошены и имеют неровности. Вероятно, это результат обрушения перекрытия и стенок могильной ямы под тяжестью земли. Обвал перекрытия прослеживался и под бревнами, где засыпь, особенно у стенок могильной ямы, представляла собой однородный слой суглинка коричневого цвета.

На дне ямы по ее центру лежал скелет взрослого человека (муж. 35-45 лет) вытянуто на спине головой на юго-запад-запад. Череп был завален вправо. Кости рук располагались вдоль туловища. Левая была слабо согнута в локте и чуть отставлена в сторону. Кости правой ноги также согнуты в колене. Кости стоп сведены. У изголовья и вдоль костей правого предплечья были расчищены остатки деревянной рамы из брусков, толщина сохранившихся частей которых составляла 2-3 см.

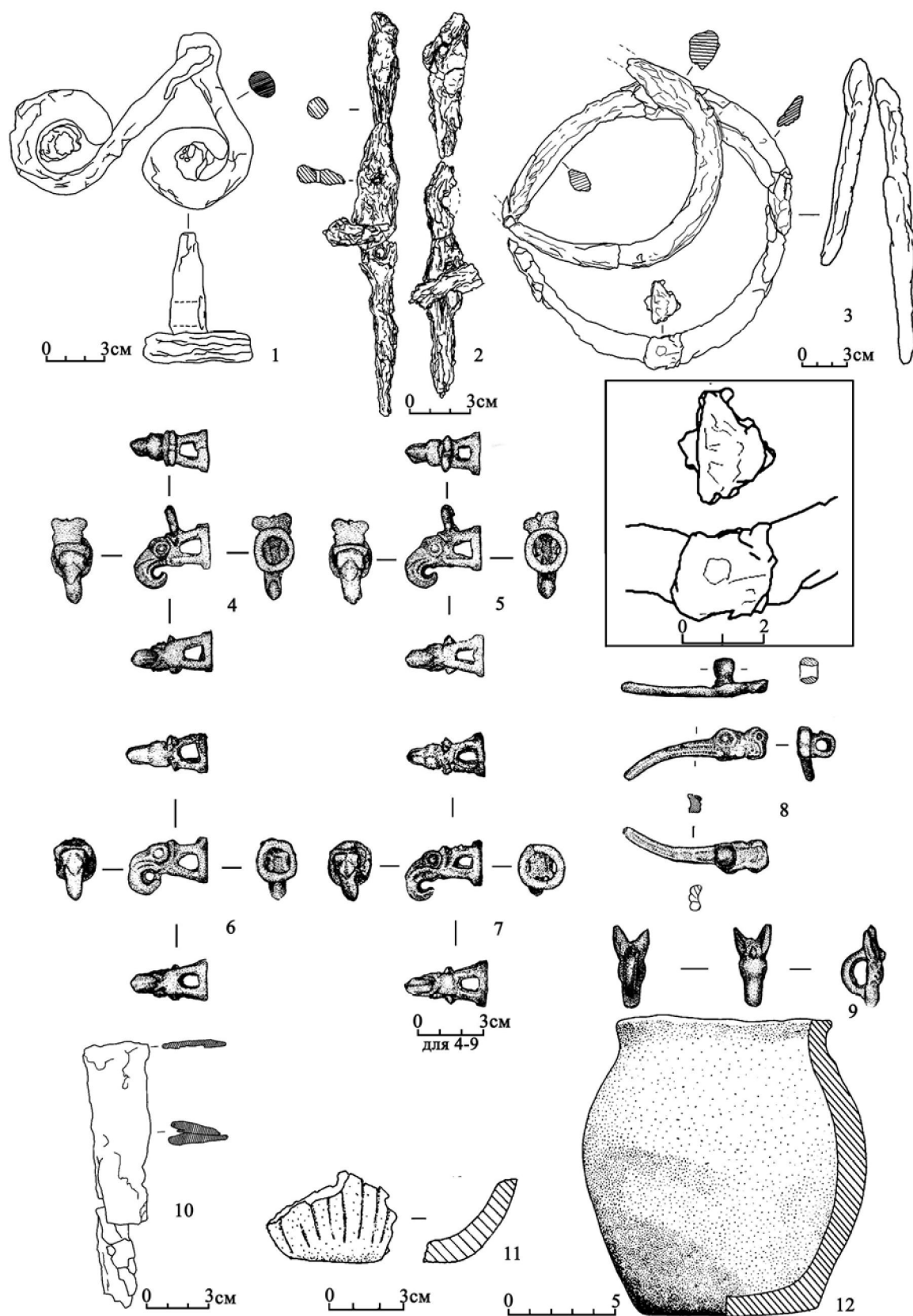

Рисунок 3 – Могильник Сапибулак, курган 1. Инвентарь с насыпи и с перекрытия могильной ямы.

1, 2 – удила и пса́ли; 3 – кольца; 4-7 – обоймы; 8 – бляха; 9 – налобник; 10 – пластина;
11 – фрагмент керамики с насыпи; 12 – сосуд. 1-3, 10 – железо; 4-9 – бронза; 11-12 – глина

Погребенного сопровождало довольно большое количество заупокойной пищи в виде костей мелкого рогатого скота и лошади. Кости располагались в разных частях могильной ямы и находились в различных положениях (рисунок 2, 3):

- слева от костяка, у северной стенки, лежали кости передней ноги лошади в сочленении;
- ниже, на уровне ног ближе к северо-восточному углу хаотично лежали кости конечности и позвонки лошади, а также кости ноги, ребра и череп мелкого рогатого скота;
- слева от костяка, у юго-западного угла лежали кости конечности и ребра (боковая часть туши) мелкого рогатого скота;
- рядом у западной стенки на земле и на деревянном блюде находились ребра лошади.

Сопровождающий инвентарь был положен за пределами деревянной конструкции, в расположении которой обнаруживается определенная закономерность. Слева у туловища находились предметы воинского обихода, у изголовья – бытового и культового назначения. Предметы воинской амуниции включали следующие находки:

- на уровне локтевых костей находился железный акинак с бабочковидным перекрестьем и грибовидным навершием. Общая длина кинжала 30 см, ширина лезвия у перекрестия – 3,6 см, длина лезвия – 18,5 см, ширина рукояти у перекрестия – 2,8 см (рисунок 4, 45);
- у перекрестия акинака была расчищена синяя стеклянная бусина (рисунок 4, 46);
- севернее акинака лежал железный предмет (умбон?) по форме напоминающий плоскодонную чашку. Изделие на дне имеет небольшое отверстие диаметром около 0,6-0,7 см. Высота изделия 3,5 см, диаметр устья 7,2 см, основания – 3,8 см (рисунок 4, 48);
- рядом находился железный предмет (обойма?) квадратной формы размерами 6х6 см, толщиной 1 см (рисунок 4, 47);
- здесь же мелкозернистый плоский точильный камень трапецевидной формы. Длина 12 см, наибольшая ширина 6,2 см и толщина 1 см (рисунок 4, 49);
- на точильном камне находилось костяное изделие выполнявшее, скорее всего роль ручки от какого-то железного предмета, сохранившегося фрагментарно, что не дает определить функциональную принадлежность. Ручка представляла собой круглое в сечении изделие в 3,4 см имеющий уступ и переходящий в плоскую поверхность для фиксации. В конце и в средней части изделия имеются рельефные выступы. Длина изделия 10,2 см (рисунок 4, 50);
- здесь же на уровне предплечья находился колчаный набор с бронзовыми и одним железным наконечниками стрел различных типов остриями направленными вниз (рисунок 4, 1-44). Бронзовые наконечники состояли из следующих типов:

1. одного экземпляра массивного двухлопастного наконечника стрелы со сводчатой шипастой головкой и выступающей втулкой. Шипы опущены ниже втулки;
2. одного экземпляра с трехгранной непрофилированной головкой и выступающей втулкой с ложками, отделяющими головку от втулки;
3. одного трехгранного наконечника со сводчатой головкой, с поперечной каймой на боевой головке и выступающей втулкой;
4. четырех трехгранных сводчатых наконечников стрел с внутренней втулкой и опущенными вниз шипами;
5. тринадцати трехгранных наконечников со сводчатой головкой и выступающей втулкой;
6. восьми трехлопастных наконечников с внутренней втулкой со сводчатой головкой и опущенными вниз шипами;
7. четырнадцати трехлопастных наконечников со сводчатой головкой и выступающей втулкой.

Среди наконечников стрел была обнаружена одна втулка бронзового наконечника и один железный черешковый наконечник стрелы с плоской листовидной формы боевой головкой и плоским черешком. Внутри колчана, среди наконечников стрел были расчищены растительные остатки.

К бытовым и культовым находкам относятся:

- лепной плоскодонный сосуд с ручкой и подлощенной поверхностью, стоявший за пределами деревянной рамы у изголовья. Близкое к яйцевидной форме тулово деформировано. Место перехода тулова к шейке сосуда имеет резкие округлые очертания, на месте ручки – более плавные. Невысокая шейка имеет слабо отогнутый наружу венчик. Ручка, прикрепленная к шейке и к

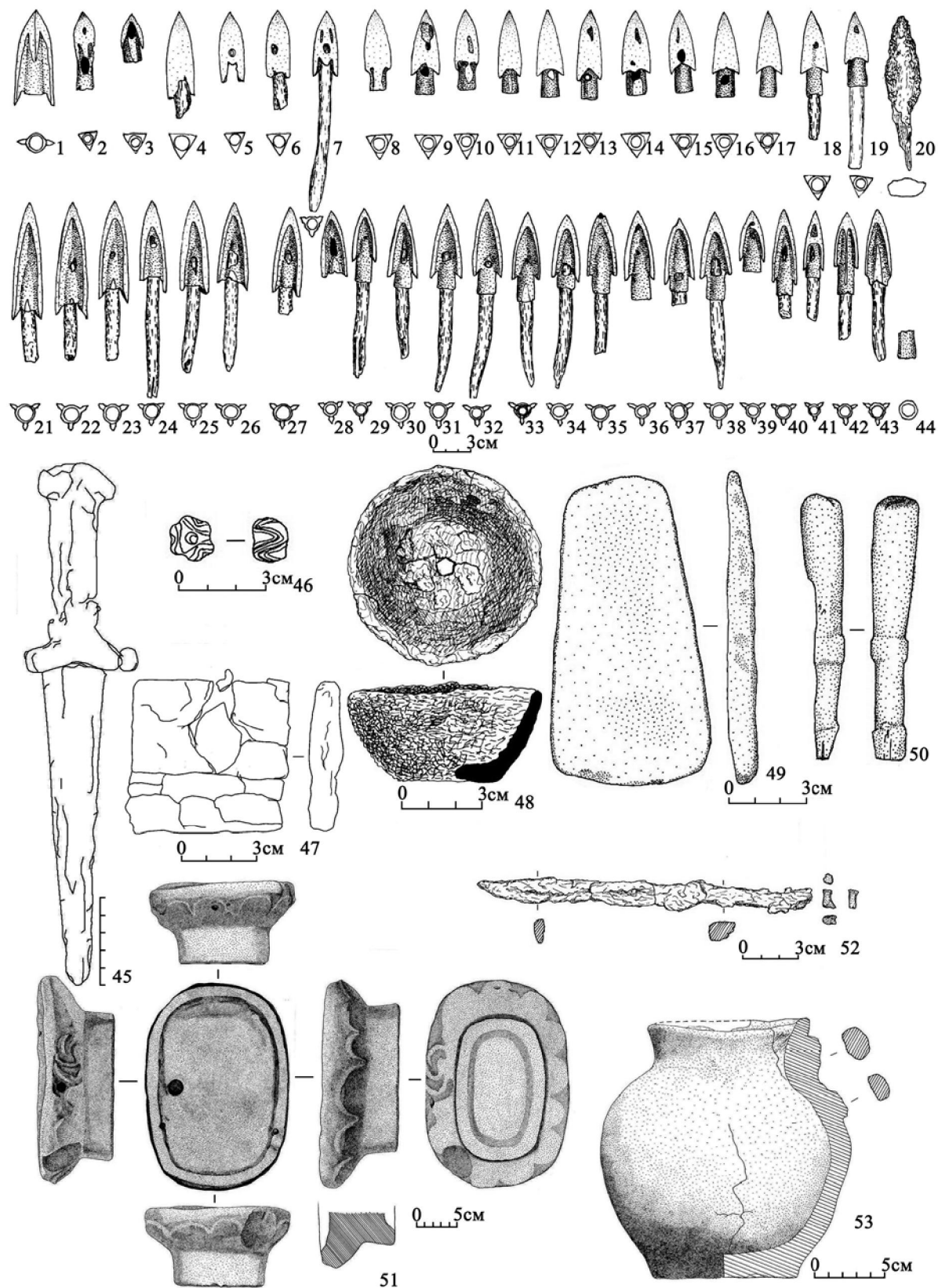

Рисунок 4 – Могильник Сапибулак, курган 1. Инвентарь с погребения. 1-44 – наконечники стрел, 45 – кинжал, 46 – бусина; 47 – обойма; 48 – умбон; 49 – точильный камень; 50 – ручка; 51 – жертвенник; 52 – нож с заклепкой; 53 – сосуд. 1-19, 21-44 – бронза; 20, 45, 47-48, 52 – железо; 49, 51 – камень; 50 – кость; 53 – глина

верхней части тулова имеет подовальное в разрезе сечение. Шейка и ручка сосуда сломаны в древности. Сосуд черноглиняный, внутренняя и внешняя поверхности имеют красноватые оттенки. Обжиг неравномерный с черным нагаром в разных местах. Высота сосуда – 17,9 см, диаметр венчика – 11,2 см, диаметр шейки – 10,2 см, максимальный диаметр тулова – 17,4 см, диаметр дна – 10,0 см (рисунок 4, 53);

- стоявший рядом с сосудом каменный столик (жертвенник) из плотного мелкозернистого песчаника с небольшим веществом оранжевого цвета, находившегося на его поверхности. Изделие подпрямоугольной в плане формы, с сильно округленными углами, размерами 24,8х17,8 см, высота – 9,6 см. У изделия выражен бортик, образующий углубление. Глубина чаши 1,3 см. Верхняя часть стенки столика скошена к поддону. Поддон вертикальный, по низу имеет углубление, образующее ножку. На боковой поверхности стенки просматриваются рельефные выступы в виде полукруглых лепестков различных по размерам. В продольной стенке нанесены по четыре лепестка, в торцевых – по три. Узор на одной из продольных стенок столика имеет другое изображение. Скорее всего, здесь дано изображение головы мифического существа или птицы, так как некоторые элементы по форме и стилю напоминают клюв, часто встречаемый в изобразительном искусстве ранних кочевников. Композицию также дополняет круглое углубление диаметром около 1,2 см, вероятно, имитирующий глаз. Углубления также сделаны на поверхности изделия. Два неглубоких диаметром около 0,8 см, находящиеся на одной линии, располагаются поверх бортиков. Более крупное углубление диаметром 1,8-1,9 см, возможно, функционально служившее для растирания веществ, было устроено внутри чаши у продольной стенки бортика. На короткой стенке жертвенника фиксируется скол со следами затертости (рисунок 4, 51);

- деревянное тонкостенное блюдо с ребрами лошади и длинным железным ножом с бронзовой заклепкой. Блюдо плохой сохранности, отсутствуют внешние края. Нож черешковый с прямой спинкой. Общая длина изделия 18,2 см, длина рабочей части около 11,3 см. Под блюдом были обнаружены железные пластинки (обоймы?) с бронзовыми заклепками (рисунок 4, 52);

- у западной стенки кучно лежали камни со следами нагара.

Курган 4 находился в центральной части могильника. Насыпь кургана земляная, полусферическая в разрезе, в плане – округлой формы. На поверхности кургана, в его различных частях просматривались, торчащие из грунта камни. Размеры насыпи: высота – 1,0 м от уровня современной дневной поверхности и 0,9 м от уровня материка, диаметр 18-19 м.

После удаления верхнего дернового слоя, на глубине 5-25 см от уровня дневной поверхности, был расчищен развал каменной конструкции, с севера и юга, опоясанный рвом. Конструкция была сооружена из плит и колотого камня к моменту раскопок лежавших хаотично. В nepотревоженном виде сохранилась только северо-западная сторона, где конструкция имела округлые очертания, из вертикально стоявших и основанием врытых в материк плит.

В центральной части конструкции камни отсутствуют, образуя пустое пространство. Заполнение внутреннего пространства представляло собой суглинок коричневого и темно-бурого цветов с включением угольков, встречавшихся в основном над могильной ямой. С северной стороны к этому пространству вел коридорообразный проход из больших каменных плит, также врытых ребром в материк. Проход имел длину около 3,0 м, ширину – 0,25-0,75 м. Камни на периферии конструкции несут следы развала, были смещены во внешнюю и внутреннюю стороны. Некоторые из камней были обнаружены в примыкавших рвах (рисунок 5, I).

В ходе расчистки конструкции среди камней юго-восточной стороны на глубине 0,5 м от уровня современной дневной поверхности был обнаружен фрагмент красноглиняного гончарного сосуда. С северной стороны под камнями (глубина 0,75 м) был найден плохо сохранившийся череп лошади.

Под курганом выявлено четыре погребения.

Погребение 1. Могильная яма находилась в центральной части кургана и на уровне погребенной почвы выделялась суглинком темно-коричневого цвета. Снос каменной конструкции показал, что контуры могильной ямы имеют неправильную вытянутую форму, ориентированную с севера на юг с незначительным отклонением. На уровне погребенной почвы, в основном северной и южной частях могильной ямы, были выявлены камни. Зачистка показала, что могильная яма представляет собой камерное погребение. Входная яма с отвесными стенками ориентирована меридианально, имеет размеры 2,5х1,6 м с расширением у северного борта и глубиной от уровня погребенной

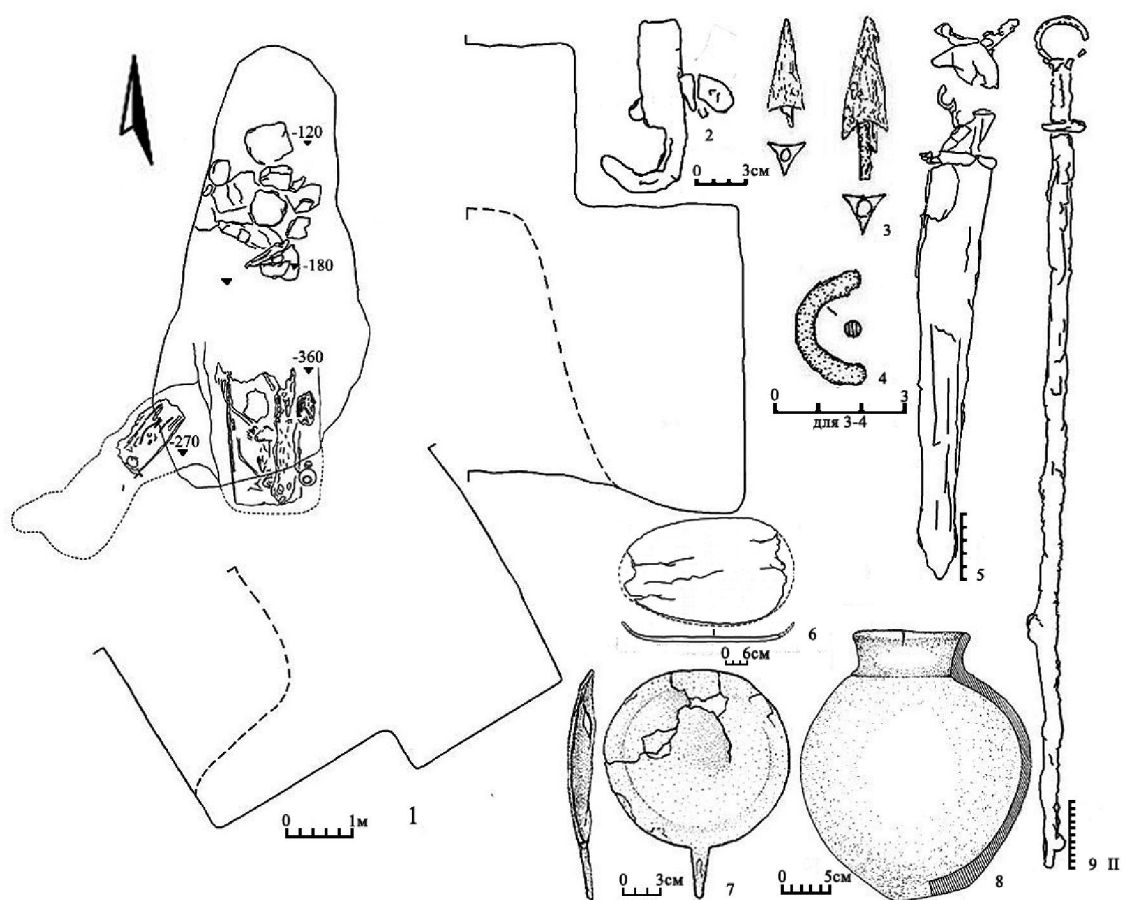
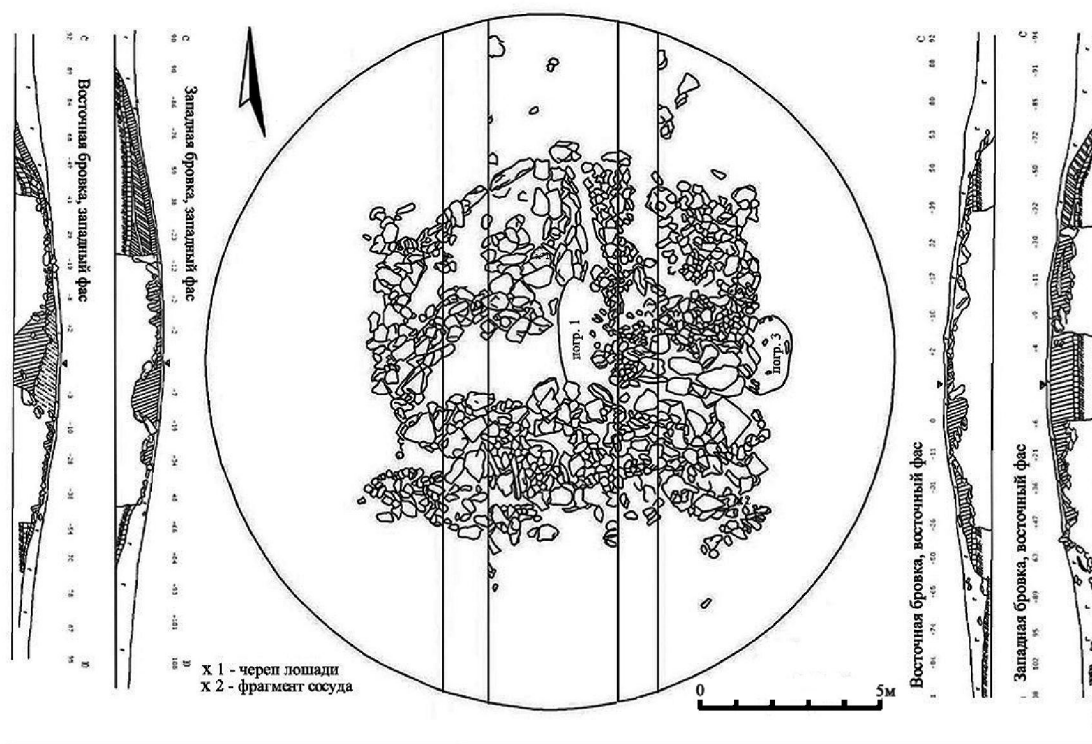

Рисунок 5 – Могильник Сапибулак, курган 4. I – план и разрезы кургана. II – погребения 1 и 2.
 I – план и разрезы погребений; 2 – колчаный крючок; 3 – наконечники стрел; 4 – кольцо; 5 – кинжал;
 6 – блюдо; 7 – зеркало; 8 – сосуд; 9 – меч. 2-3, 5, 9 – железо; 4, 7 – бронза; 6 – дерево; 8 – глина

почвы 1,2 м. В заполнении входной ямы от уровня погребенной почвы встречались камни различных размеров. Камни в нижней части располагались в южной стороне входной ямы и представляли собой остатки заклада входа в погребальную камеру. Некоторые из камней были завалены в камеру (рисунок 5, II, 1).

В южной торцевой стенке ямы был обнаружен вход в катакомбу, длинная ось которой продолжала длинную ось входной ямы. В плане камера имела подпрямоугольную форму длиной 3,57 м и шириной 1,57 м. Глубина от уровня древней погребенной почвы 3,6 м. Свод катакомбы полностью обрушился в древности, в результате чего восточная сторона камеры в верхней части приобрела округлые очертания. На разных уровнях в толще заполнения катакомбы встречались мелкие угольки.

Погребенный находился в прямоугольной деревянной конструкции (носилки?) сверху перекрытой тонкими плахами. Сохранившаяся длина деревянной конструкции 1,85 м, ширина – 0,80-0,85 м. Скелет плохой сохранности (пол и возраст определить не удалось) лежал на спине с широко расставленными и подогнутыми в коленях ногами (поза всадника). Руки, согнутые в локтях также были расставлены в сторону. Под костями скелета прослеживалась тонкая прослойка органики темного цвета. Погребенного сопровождали следующие предметы:

- под черепом находилось бронзовое зеркало с ручкой штырем. Зеркало по краю диска имеет слабо выраженный валик. Диаметр диска зеркала 14,7 см, ширина валика около – 1,5 см (рисунок 5, II, 7).

- у восточной стенки на уровне головы стоял лепной сосуд с шаровидным туловом, воронкообразным горлом, отогнутым наружу венчиком, плоским и скошенным дном. Сосуд по шейке орнаментирован горизонтальным рельефным выступом. Поверхность сосуда хорошо заглажена, имеет неравномерный обжиг. Тесто в изломе темно-серого цвета. Высота сосуда – 26,3 см, диаметр венчика – 11,3 см, диаметр шейки – 12,0 см, максимальный диаметр тулова – 22,4 см, диаметр дна – 7,1 см (рисунок 5, II, 8);

- рядом с сосудом, чуть севернее была расчищена тонкая прослойка органики округлой в плане формы. Органика, вероятно, является остатками деревянного сосуда. Сохранившийся диаметр около 10 см;

- у восточной стенки на уровне бедренных костей находилось деревянное блюдо овальной формы, поверх которого и около него лежали ребра лошади. Блюдо изготовлено из тонких пластин дерева толщиной около 1,5 см, сохранившаяся длина – 39 см, ширина – 25,8 см (рисунок 5, II, 6);

- у правой бедренной кости лежал железный кинжал с прямым брусковидным перекрестием и серповидным навершием. Длина кинжала – 41,7 см, ширина лезвия у перекрестия – 4,6 см, длина лезвия 35 см, ширина рукояти у перекрестия – 2,7 см (рисунок 4, II, 5). На рукояти кинжала прослеживаются следы ткани двух типов. Одна тонкая хорошего плетения, вторая – более грубая из толстых ниток. Рядом с рукоятью находилось бронзовое кольцо округлое в сечении, от которого сохранилась только половина изделия. Примерный диаметр кольца 2,6 см (рисунок 5, II, 4);

- слева от костяка лежал длинный железный меч с прямым брусковидным перекрестием и кольцевидным навершием. Длина меча 118 см, ширина лезвия у перекрестия – 3 см, длина лезвия – 102 см, ширина рукояти у перекрестия – 2,6 см (рисунок 5, II, 9);

- на левой бедренной кости лежал железный колчаный крючок. Нижняя часть изделия изготовлена из круглого в сечении прута, верхняя оформлена в виде прямоугольной пластины повернутой по направлению изгиба. Общая длина изделия 9,8 см, верхней части (пластины) – 6 см (рисунок 5, II, 2);

- здесь же лежали фрагменты железных изделий функциональная принадлежность, которых не восстанавливается;

- возле длинного меча, в районе его средней части лежали три скопления железных черешковых наконечников стрел. Из-за плохой сохранности количество и форму некоторых из них трудно определить. Наконечники в основном изящных форм, трехлопастные с треугольной боевой головкой и дуговидным срезом основания. Черешки тонкие, округлые в сечении, сохранившаяся длина черешков 1,0-2,4 см (рисунок 5, II, 3);

Погребение 2. Примыкало к погребению 1 с западной стороны и находилось под камнями конструкции. Входная яма подпрямоугольной в плане формы была направлена по оси северо-восток –

юго-запад. Ее западный угол обвалился из-за сыпучести грунта (супесь). Размеры входной ямы равны 1,5х0,87 м. Погребальная камера неправильной формы, была устроена в торцевой северо-восточной стенке, имела размеры 1,34х0,9 м. Дно входной ямы и погребальной камеры находились на одном уровне на глубине 2,7 м от древней поверхности. Во входной яме практически у камеры была обнаружена трубчатая кость мелкого рогатого скота. В заполнении погребальной камеры встречались мелкие угольки. Погребение было совершено в деревянной конструкции небольших размеров длиной около 1 м, шириной – 40-42 см. От конструкции четко прослеживались продольные и поперечные бруски шириной около 3 см.

На дне камеры в деревянной конструкции лежал скелет ребенка (возраст не определен в связи с крайне плохой сохранностью костей) вытянуто на спине головой на юго-запад. Кости грудной клетки, рук и стопы не сохранились. Под костями и вокруг деревянной конструкции прослеживалась тонкая органика темного цвета. Погребение сопровождалось костями лошади, положенными в ногах ребенка. Погребение безинвентарное (рисунок 5, II, 1).

Погребение 3. Впускное, было обнаружено в восточной поле кургана, и примыкало к каменной конструкции. Могильная яма на уровне погребенной почвы и в разрезе под каменной конструкцией выделялась грунтом темно-серого цвета с включением камней. Погребение было совершено в яме с заплечиками, ориентированной по оси север-юг. Яма прямоугольной в плане формы, расширяется к южной стенке, имеет размеры по дну 2,17х0,8-1 м, глубину 3,65 м от уровня погребенной почвы (рисунок 6, I, 1).

Погребенный лежал в деревянной конструкции (носилки?), вытянуто на спине, головой на юг. Скелет плохой сохранности, кости верхних и нижних конечностей практически не сохранились (пол и возраст неопределимы). Под останками фиксировалась органика темно-серого цвета. Конструкция представляла собой деревянную раму длиной около 1,8 м, шириной около 0,74 м. Рама была изготовлена из брусков, скрепленных между собой, вероятно, при помощи сквозных пазов. В юго-западном углу конструкции поперечные бруски выступали наружу. Вся конструкция сверху была накрыта деревянными плашками, перекрывавшими скелет поперек. Инвентарь погребенного представлен следующими предметами:

- в районе правого плеча находились фрагменты бронзового зеркала с небольшим валиком по краю диска. Примерный диаметр диска 12,2 см. Зеркало, возможно, имело подпрямоугольную ручку. Под зеркалом были обнаружены небольшие фрагменты дерева, вероятно, остатки футляра (рисунок 6, I, 3);

- в районе шейных позвонков и на костях запястья были расчищены бусы. Стекланные, покрытые глазурью бусы расположены у шейного отдела позвоночника (рисунок 6, I, 6). Бусы на запястьях большинстве своем – гешировые плоские или цилиндрические, среди них встречаются стекланные как покрытые глазурью, так и без нее (рисунок 6, I, 4-5);

- в юго-восточном углу ямы, за пределами деревянной конструкции стоял лепной сосуд с шаровидным туловом, узким цилиндрическим горлом, отогнутым наружу венчиком, уплощенным и узким дном. На месте перехода от шейки к тулову имеются два небольших уступа. Под каждым уступом нанесен ряд наклонных насечек. Тулово сосуда орнаментировано вертикальными бороздами, скомпонованными в по 3-4 линии. Поверхность сосуда заглажена, имеет темно-серый цвет. Обжиг неравномерный. Высота сосуда – 20,6 см, диаметр венчика – 10,1 см, диаметр шейки – 9,2 см, максимальный диаметр тулова – 18,8 см, диаметр дна – 5,6 см (рисунок 6, I, 2).

Слева и справа от скелета за пределами деревянной конструкции находились кости животных, видовой принадлежность которых из-за плохой сохранности не установлена.

Погребение 4. Совершено в подбое, расположенном под каменной конструкцией, между погребениями 1 и 2. Входная яма подпрямоугольной формы ориентирована по оси северо-восток-юго-запад, имеет небольшие размеры: 1,64х0,8 м, глубина от уровня погребенной почвы 1 м. В северо-западной стенке входной ямы был расчищен заклад в погребальную камеру, состоящий из трех частей (рисунок 6, II, 1):

- сам заклад, сооруженный из каменных плит положенных плашмя;
- подпорка из таких же каменных плит, поставленных вертикально на ребро (фиксировалась только во входной яме);

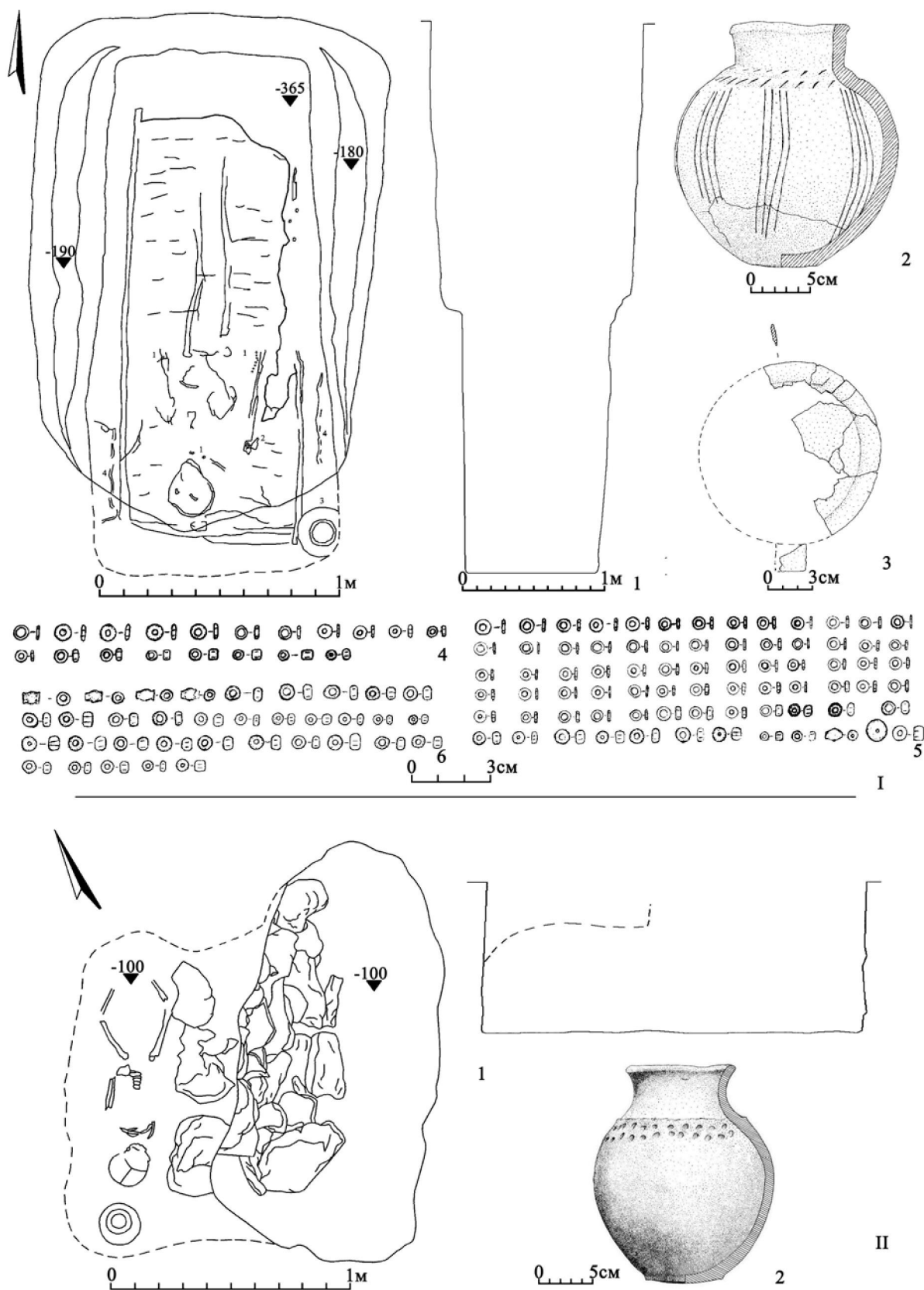

Рисунок 6 – Могильник Сапибулак, курган 4. I – погребение 3. 1 – план и разрез погребения; 2 – сосуд; 3 – зеркало; 4-6 – бусы. 2 – глина; 3 – бронза; 4-6 – стекло, гешир. II – погребение 4. 1 – план и разрез погребения; 2 – сосуд. 2 – глина

- уступ, разделявший погребальную камеру от входной ямы. Состоял из трех каменных плит положенных плашмя и основанием заглубленных в материк.

Погребальная камера подпрямоугольной формы, была ориентирована по оси северо-восток-юго-запад. Ее размеры 1,29х0,44 м, глубина 1 м. На дне камеры лежал скелет ребенка (в возрасте около 2 лет) на спине с подогнутыми коленями и широко расставленными ногами (поза всадника). Ориентировка юго-западная. Под скелетом и вокруг него прослеживалась органика коричневого цвета.

В изголовье погребенного был поставлен лепной плоскодонный сосуд с яйцевидной, плавно профилированной формой тулова, вогнутой шейкой, отогнутым наружу венчиком и уплощенным узким дном. Край венчика наклонно срезан наружу. У сосуда выражен невысокий переход ко дну. Сосуд орнаментирован. На плечике сформован уступ, по верху которого нанесен ряд горизонтальных коротких насечек различной длины. Ниже этой орнаментальной зоны проходят два горизонтальных пояса, образованные рядами маленьких ямок. Орнамент был получен в результате вдавлений по сырой глине, совершавшихся под углом, относительно оси тулова снизу вверх, о чем свидетельствуют образовавшиеся бугорки в правой верхней части ямок. Стенки сосуда в изломе черного цвета. Поверхность сосуда тщательно заглажена, имеет красноватый цвет. Обжиг равномерный. Сосуд в некоторых местах имеет следы нагара. Высота сосуда – 20,2 см, диаметр венчика – 10,2 см, диаметр шейки – 8,6 см, максимальный диаметр тулова – 16,9 см, диаметр дна – 7,2 см (рисунок 6, II, 2).

Курган 5. Располагался в юго-восточной части могильника, в 154 м к северо-востоку-востоку от кургана 1. Насыпь кургана земляная, в плане округлой, в разрезе – полусферической формы. Диаметр кургана 18-20 м, высота от современной дневной поверхности 0,95 м, от уровня материка 1,0 м. В северо-западном основании насыпи визуально прослеживался неглубокий ров шириной 4 м, длиной 7 м и глубиной 0,05-0,1 м. На дневной современной поверхности объект выделялся скоплением полынной ассоциации.

После зачистки под насыпью были зафиксированы каменные плиты, представляющие собой остатки ограды, окружающей могильную яму по периметру. Сохранность конструкции плохая. О размерах конструкции и его составляющих элементах позволяют предполагать только каменные плиты южной стороны. Сама ограда состояла из внешнего и внутреннего колец, расположенных на одном уровне. Внешняя ограда была сооружена из небольших, лежащих в несколько рядов друг на друге и постепенно сместившихся к центру камней. Внутренняя ограда практически примыкает к внешней и состояла из более крупных камней лежащих в один ряд. Плохая сохранность кольца с северной стороны не позволяет уверенно говорить о размерах конструкции. Примерный диаметр колец 5,75 м. За каменной оградой, в 6 м к югу и 0,5 м к западу от условного центра была найдена трубчатая кость лошади. Кость лежала под дерновым слоем, на глубине 0,15 м (рисунок 7, I).

В юго-восточном, северо-западном и северо-восточном основаниях кургана были выявлены рвы глубиной 0,5-0,6 м, окружающие насыпь по периметру. Засыпь рвов – гумусированный грунт, черного цвета. В северо-восточном рву зафиксировано, залегающее на материке, скопление небольших камней (10-20 см). Среди камней была обнаружена плохо сохранившаяся кость животного.

Под насыпью кургана находилось одно подбойное погребение, расположенное в центре подкурганной площадки. Погребение на уровне погребенной почвы выделялось скоплением камней, лежавших широкой полосой в меридиональном направлении, образуя по форме прямоугольник длиной 3,75 м и шириной 2 м. Входная яма подпрямоугольной формы, была ориентирована длинной осью по линии северо-северо-восток – юго-юго-запад. Ее размеры 3,05х1,14 м, глубина 1,90 м. Входная яма на всю глубину была забутована крупными камнями положенными плашмя. На глубине 0,6 м размеры камней увеличились до 1,5 м в длину (рис. 6, II, 1). Ниже этого уровня, на глубине 0,8 м у торцевой южной стенки входной ямы был обнаружен большой мелкозернистый камень, по форме и обработке похожий на грубо сделанное изваяние. Боковые стороны изваяния обработаны подтеской, образуя грань (рисунок 7, II, 2).

Погребальная камера, ориентированная по линии северо-северо-восток – юго-юго-запад, примыкала к восточной продольной стенке входной ямы. Подбой с полностью обрушившимся сводом в плане имел овальную форму. Ко дну погребальная камера была заглублена на 5-10 см, таким

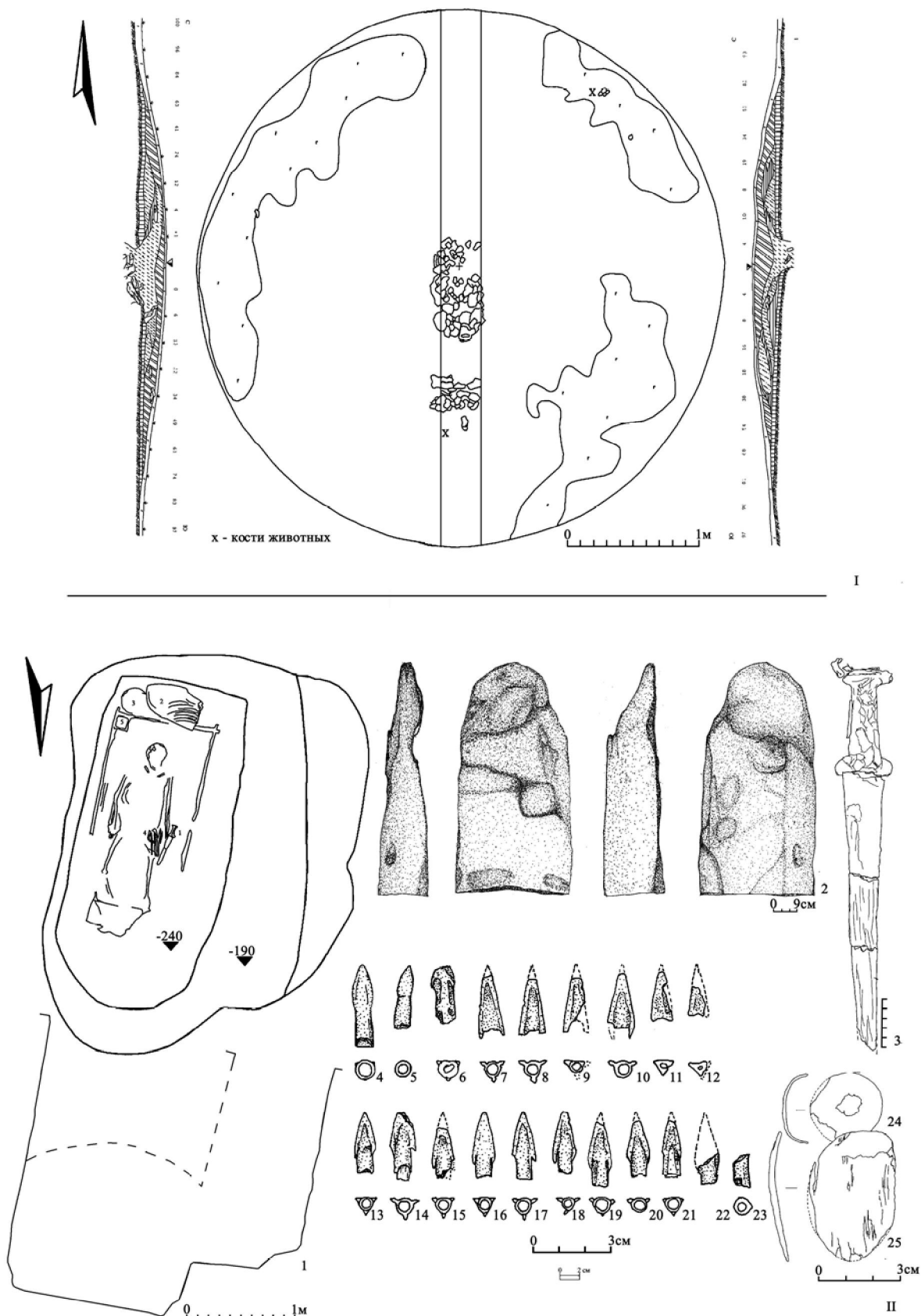

Рисунок 7 – Могильник Сапибулак, курган 5. I – план и разрезы кургана. II – погребение. I – план и разрез погребения; 2 – изваяние; 3 – меч; 4-23 – наконечники стрел; 24-25 – блюда. 2 – камень; 3 – железо; 4-23 – бронза; 24-25 – дерево

образом, образовав углубление подпрямоугольной формы. Его размеры 3,0х1,4 м. Глубина от уровня погребенной почвы составляла 2,4 м. Подбой от входной ямы отделялся широкой ступенькой. Высота ступеньки от уровня дна погребальной камеры 0,5 м. Возможно для укрепления верхний слой ступеньки утрамбовали из спрессованного глинистого грунта.

В толще заполнения погребальной камеры ближе к северной стенке, на глубине 0,6 м были обнаружены астрагал мелкого рогатого скота и окаменелость (зуб животного?).

На дне камеры был расчищен плохо сохранившийся скелет взрослого человека (пол и возраст не определимы). Погребенный лежал на прямоугольной формы погребальных носилках из дерева. Длина конструкции составляла 2,0 м в длину и 0,97 м в ширину. Носилки изготовлены из брусков, скрепленных между собой пазовым методом. Ширина сохранившихся частей брусков составляет 3,5-4 см. Северная нижняя сторона погребальных носилок не сохранилась. Фрагменты носилок под скелетом также не фиксировались, что позволяет предположить об изготовлении нижней части из войлока, остатки которого прослеживались в виде серой прослойки под скелетом.

Погребенный был уложен вытянуто на спину, головой на юго-запад. Руки вытянуты вдоль туловища, правая нога согнута в колене. Погребенного сопровождали следующие предметы:

- у изголовья скелета, между короткой южной стенкой и погребальными носилками рядом друг с другом лежали два блюда и сосуд из дерева. Первый, находившийся на уровне головы, представлял собой деревянное неглубокое блюдо подовальной формы, длиной 11,5 см. Ширина его составляла 8 см. Стенки тонкие, толщиной 0,6 см. На блюдо были положены ребра лошади (рисунок 7, II, 25);

- второе блюдо стояло ближе к юго-восточному углу. Оно было изготовлено из тонких пластинок дерева и имело чашевидную форму. Сохранившаяся высота его составляла 2,2 см, диаметр – 6,5 см (рисунок 7, II, 24);

- сосуд находился непосредственно внутри погребальных носилок, у юго-восточного угла. Изготовлен из дерева, в плане имел форму квадрата. Высота сохранившейся части 2 см, длина по одной из стен около 10 см;

- вдоль левой руки и поверх ребра скелета были расчищены остатки древков от наконечников стрел длиной 50-55 см. Нижние концы древков перекрывал неправильной формы деревянный предмет. Судя по расположению он, скорее всего, представлял собой колчан, изготовленный из тонких прутиков дерева и скрепленных между собой, вероятно клейким веществом. Колчан снаружи был обшит материей, небольшой фрагмент которой фиксировался поверх него. Внутри колчана были найдены бронзовые наконечники стрел, лежавшие в ряд остриями к ногам. Наконечники очень плохой сохранности. Общее количество 20 экз., два из которых сохранились фрагментами в виде втулок, остальные представлены следующими типами (рисунок 7, II, 4-23):

- 1 - два наконечника – трехгранные с непрофилированной боевой головкой и выступающей втулкой;

- 2 - шестнадцать наконечников – трехлопастные с треугольной и сводчатой боевыми головками с выступающей и внутренней головкой;

- возле левого запястья острием также к ногам был положен короткий железный кинжал с серповидным навершием и брусковидным перекрестием. Верхний конец навершия и нижняя часть клинка не сохранились. Длина кинжала – 40 см, ширина лезвия у перекрестия – 4,4 см, длина ручки 12 см, ширина – 3,2 см (рисунок 7, II, 3).

Курган 6. Находился отдельно от основной группы в 200 м северо-восточнее от кургана 1. Насыпь кургана в плане округлая, в разрезе – линзовидной формы, поверхность ровная с незначительными западинами в центральной части. На поверхности кургана (в северо-восточной части) выступал, лежавший плашмя, камень средней величины. Северо-восточная, западная и северная часть кургана была окружена неглубоким рвом, который прослеживался в виде небольшого понижения поросшей чилигой и обильным травостоем. На современной дневной поверхности его диаметр составлял 24 м. Высота насыпи над современной дневной поверхностью не более 1 м.

После снятия грунта под насыпью кургана была выявлена каменная конструкция округлой в плане формы диаметром 5,8-6,0 м и высотой 1,25 м. Толщина стенки составляла около 1,1 м. Внутренняя часть конструкции состояла из камней меньших размеров. Они располагались хаотично и, скорее всего, были смещены под давлением земли. Снаружи они были подперты большими плос-

кими камнями больших размеров длиной 1,0-1,2 м, шириной до 0,75 м поставленных вертикально. С южной стороны конструкция имела вход шириной около 1 м. Она была создана в виде лестницы из положенных плашмя одна на другую плоских плит. Под конструкцией прослеживались прогоревшие ветки, игравшие роль настила, покоившегося на погребенной почве. Диаметр настила составлял около 10 м, имел толщину 0,10 м. Некоторые угольки были не догоревшими (рисунок 8, I).

Под курганом было выявлено четыре погребения.

Погребение 1. Было выявлено рядом с оградой возле ее северной и северо-восточной стенки на глубине 0,80 м от уровня современной дневной поверхности. Погребение полностью разрушено. Кости принадлежавшие взрослому человеку (муж. 35-45 лет) были разбросаны на слое настила. От скелета сохранились только трубчатые кости конечностей и черепа. Ориентировка и положение погребенного не восстанавливаются. Рядом со скелетом была найдена челюсть лошади.

Возле скелета человека находились семь бронзовых наконечников стрел со сводчатой и башневидной головками и выступающей втулкой (рисунок 8, II, 2-7). К этому погребению, вероятно, относятся еще четыре бронзовых наконечников стрел со сводчатыми головками с выступающими и внутренними втулками, обнаруженные среди камней конструкции с западной стороны (рисунок 8, II, 8-11). На незначительном расстоянии также среди камней северо-западной стороны конструкции лежал оселок подпрямоугольной формы изготовленный из плотного темно-серого камня (сланец?) с отверстием для подвешивания. Его длина – 19 см, ширина – 1,8 см, толщина – 0,7 см (рис. 8, II, 1). Восточнее лежали фрагменты верхней части глиняного кувшина (рисунок 8, II, 12).

Погребение 2. Впускное, выявлено в западной части кургана в 4 м от центра. Контур могильной ямы на уровне материка имел округлую форму диаметром 2,4-2,5 м и по периметру был окружен вертикально врытыми каменными плитами. Яма на глубине 1,3 м от уровня погребенной почвы вдоль западной и северной стенок имела широкий уступ. Ближе ко дну в северо-восточной, восточной и южной стенках ямы была устроена ниша. В восточной нише на глубине 2,92 м лежал скелет чрезвычайно плохой сохранности (пол и возраст не определимы). Судя по сохранившимся костям, погребенный был уложен головой на юг (рисунок 8, III, 1).

Сопровождающий инвентарь и кости животных были сконцентрированы в двух местах. В нише южной стороны лежали в основном кости конечностей, позвонки и ребра лошади. Кости мелкого рогатого скота были помещены в большой глиняный сосуд. Среди костей лошади кучкой лежали пять астрагалов мелкого рогатого скота.

На ребрах лошади был обнаружен железный черешковый нож со слабо изогнутой спинкой. Сохранились остатки деревянной рукояти, крепившейся к черешку с помощью железных заклепок. Общая длина изделия – 16 см, длина лезвия – 12 см (рисунок 8, III, 4).

У западной стенки под позвонками лошади лежало бронзовое плоское зеркало с посеребрением с длинной ручкой отлитой вместе с диском. Диаметр диска – 18 см, длина ручки – 12 см, ширина – 3 см (рисунок 8, III, 2).

Здесь же находились два керамических сосуда. Первый лепной, больших размеров, с яйцевидным туловом, коротким и широким горлом, отогнутым наружу венчиком и плоским дном. Орнамент сосуда не стандартен. По шейке проходят пояс горизонтальных насечек в три ряда. В верхней части тулова, ниже насечек сосуд орнаментирован тремя прочерченными кругами, два из которых соединены между собой, полумесяцами и елочкой. Круги и полумесяцы заполнены прямыми линиями. Высота сосуда – 31,2 см, диаметр венчика – 25,5 см, диаметр шейки – 23,8 см, максимальный диаметр тулова – 27,8 см, диаметр дна – 10,0 см (рисунок 8, III, 8).

Второй неорнаментированный лепной круглодонный сосуд с шаровидным туловом, коротким воронковидным горлом и отогнутым наружу венчиком. Поверхность хорошо заглажена. Высота сосуда – 21,0 см, диаметр венчика – 14,9 см, диаметр шейки – 13,6 см, максимальный диаметр тулова – 20,8 см (рисунок 8, III, 9).

Третий сосуд находился в центральной части ямы. Лепной с туловом приземистой формы и округлым дном. Горло сосуда воронковидное. По шейке и верхней части сосуда проходят три ряда насечек, нанесенных наклонно и вертикально, сосцевидные шишечки и два отверстия. Поверхность сосуда заглажена. Тесто в изломе черного цвета. Высота сосуда – 11,9 см, диаметр венчика – 10,0 см, диаметр шейки – 9,4 см, максимальный диаметр тулова – 14,5 см (рисунок 8, III, 10).

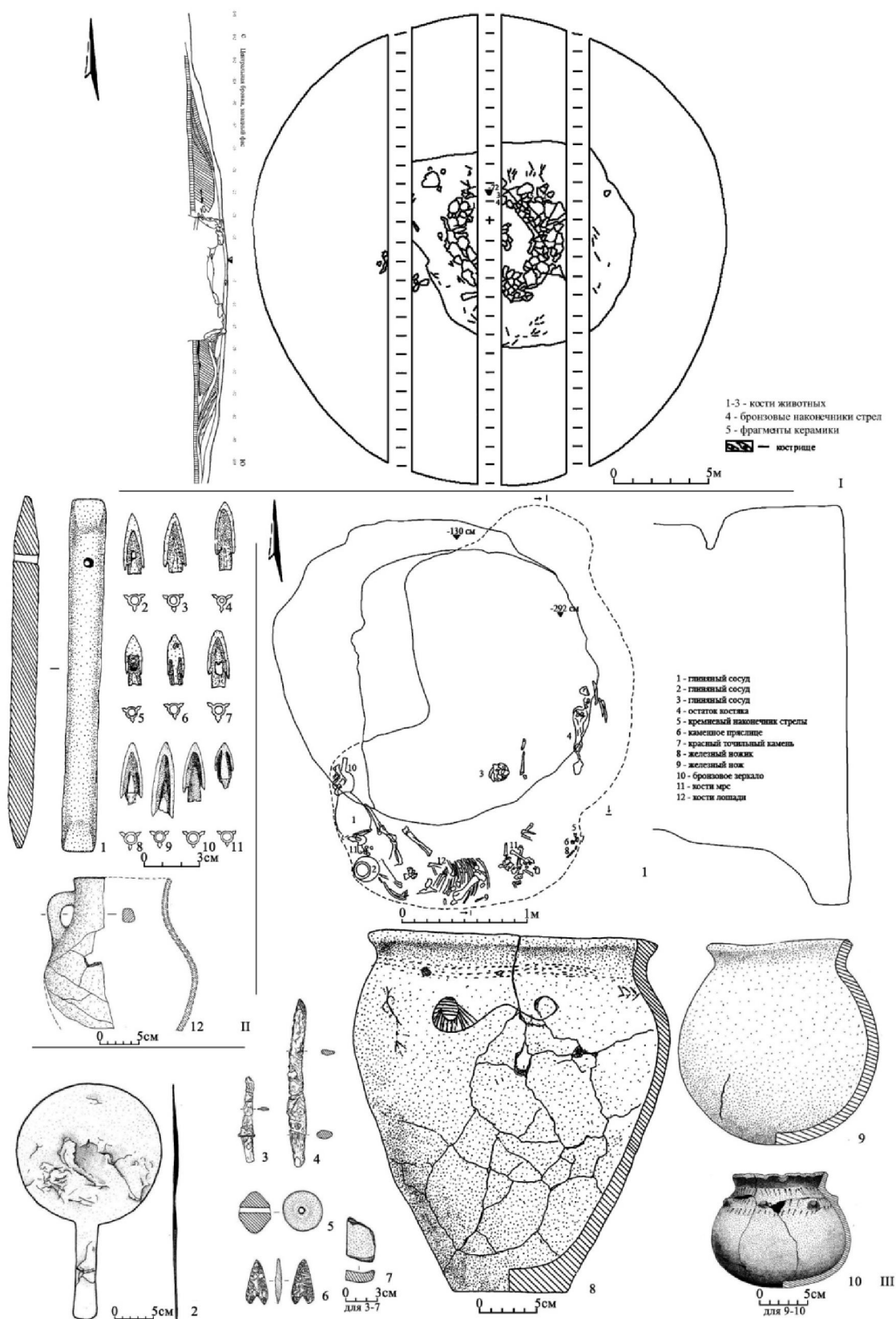

Рисунок 8 – Могильник Сапибулак, курган 6. I – план и разрезы кургана. II – погребение 1, инвентарь. 1 – оселок; 2-11 – наконечники стрел; 12 – фрагмент керамики. I – камень; 2-11 – бронза; 12 – глина. III – погребение 2. I – план и разрез погребения; 2 – зеркало; 3-4 – ножи; 5 – пряслице; 6 – наконечник стрелы; 7 – каменное изделие; 8-10 – сосуды. 2 – бронза; 3-4 – железо; 5-7 – камень; 8-10 – глина

В восточной части находились каменное пряслице, кремневый наконечник стрелы (рисунок 8, III, 6), маленький железный нож и каменное изделие. Пряслице биконической формы с усеченными верхушками диаметром 3,6 см и высотой – 3 см (рисунок 8, III, 5). Нож черешковый с прямой спинкой сохранившаяся длина 8 см (рисунок 8, III, 3). Каменное изделие изготовлено из плотного красного материала. Назначение его не вполне ясно, вероятно, использовалось как ложило (рисунок 8, III, 7).

Погребение 3. Располагалось в восточной части подкурганной площадки. Могильная яма в плане неправильной овальной формы ориентирована по линии север-юг. Ее размеры на уровне материка составляли 3,10х2,10 м. Ее западная половина частично уходила под каменную конструкцию. На дне ямы на глубине 0,30 м было расчищено парное захоронение с южной ориентировкой. Кости скелетов принадлежали взрослым индивидам и имели плохую сохранность. Остались только кости конечностей и фрагменты черепов. Оба индивида были уложены по центру ямы практически по ее диагонали. Восточный скелет (муж. 35-45 лет) лежал на спине головой на юго-восток. Кости ног были смещены на запад от оси туловища. Западный скелет (пол и возраст неопределимы) также лежал на спине, головой был ориентирован на юг с небольшим отклонением на восток. В виде сопутствующей пищи рядом с погребенными были положены кости домашних животных. У восточного индивида на уровне бедра были обнаружены кости конечностей и позвонки мелкого рогатого скота. Кости лошади (передняя нога с лопаткой и ребра) находились у юго-западной стенки (рисунок 9, 1).

Инвентарь восточного скелета представлен бронзовым колесиком, зеркалом, наконечником и четырьмя сосудами, располагавшимися справа от погребенного. Бронзовое колесико находилось на уровне правого предплечья, между сосудами. Его диаметр составлял 2,9 см (рисунок 9, 2).

Зеркало было выявлено у правого локтя. Представляет собой небольшой плоский диск с коротким прямоугольным выступом для крепления. На месте крепления сохранились следы от железной ручки. Диаметр диска составлял 7,2 см (рисунок 9, 4). В ногах был найден один бронзовый трехлопастной втульчатый наконечник стрелы со сводчатой головкой (рисунок 9, 3). Возле плеча стояли два сосуда. Первый лепной с носиком-сливом, яйцевидным туловом, отогнутым наружу венчиком и уплощенным дном. Сосуд по верхней части тулова орнаментирован зигзагообразными насечками, венчик – короткими горизонтальными. Обжиг неравномерный. Тесто в изломе черного цвета. Высота сосуда – 22,2 см, диаметр венчика – 13,1 см, диаметр шейки – 12 см, максимальный диаметр тулова около – 11,5 см (рисунок 9, 11).

Второй лепной круглодонный небольших размеров с почти шаровидным туловом, прямым горлом. Сосуд по плечу орнаментирован косыми линиями, образующими треугольники. Орнамент также присутствует на венчике сосуда в виде коротких насечек. Поверхность сосуда заглажена, обжиг неравномерный с красными нагарами. Тесто в изломе черного цвета. Высота сосуда – 13 см, диаметр венчика – 10,1 см, диаметр шейки – 10,4 см, максимальный диаметр тулова около – 11,5 см (рисунок 9, 7).

Еще один лепной круглодонный сосуд лежал на боку чуть поодаль от бедренных костей. Сосуд небольших размеров с шаровидным туловом, с практически прямо стоящим горлом. Орнамент в виде зигзагообразных линий нанесен по плечу сосуда. Ниже этой линии проходит пояс из сосцевидных шишечек. Короткие насечки, образующие треугольники также нанесены по верху венчика. Поверхность сосуда заглажена. Обжиг неравномерный. Тесто в изломе черного цвета. Высота сосуда – 14,4 см, диаметр венчика – 10,8 см, диаметр шейки – 10,6 см, максимальный диаметр тулова около – 15,5 см (рисунок 9, 6).

Рядом с последним сосудом был расчищен завалившийся на бок гончарный красноглиняный сосуд маленьких размеров с шаровидным туловом, коротким горлом, отогнутым наружу венчиком и плоским дном. На поверхности сосуда имеются следы красной краски. Высота сосуда – 10,3 см, диаметр венчика – 7 см, диаметр шейки – 6,4 см, максимальный диаметр тулова около – 10,8 см, диаметр дна – 5,5 см (рисунок 9, 10).

Инвентарь находился слева от западного скелета. В юго-западном углу вместе с костями лошадей стоял лепной круглодонный сосуд с почти шаровидным туловом, коротким и прямым горлом. Сосуд по верхней части тулова орнаментирован зигзагообразными линиями. В некоторых местах имеются свободные от орнамента зоны, кроме одного, заполненного своеобразным орна-

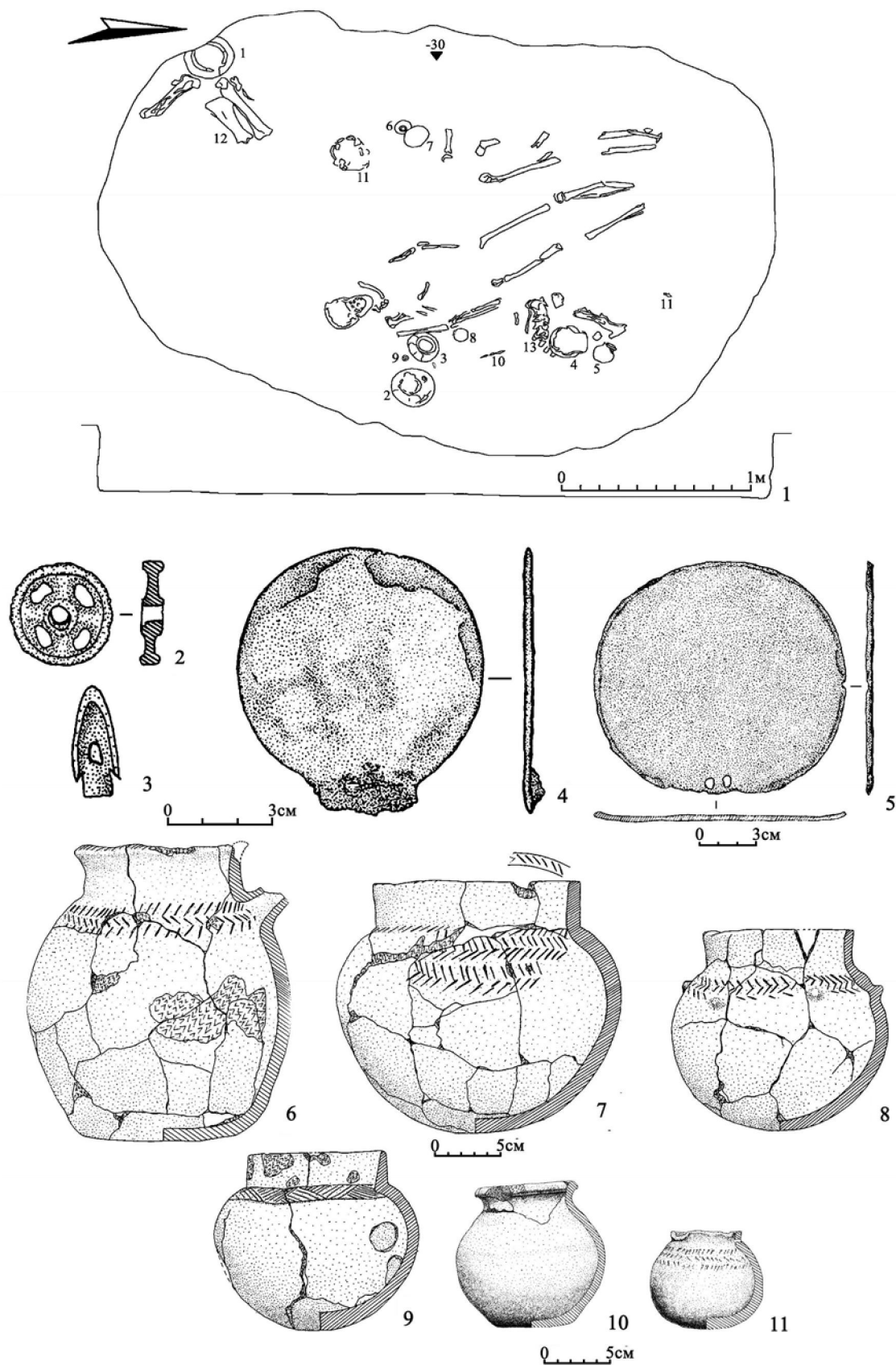

Рисунок 9 – Могильник Сапибулак, курган 6, погребение 3. 1 – план погребения; 2 – колесико; 3 – наконечник стрелы; 4-5 – зеркала; 6-7, 9-11 – сосуды; 8 – курительница. 2-5 – бронза; 6-11 – глина

ментом, нанесенного палочным или ногтевым вдавлениями. Венчик сосуда также орнаментирован короткими горизонтальными насечками. Поверхность сосуда заглажена. Обжиг неравномерный, тесто в изломе черного цвета. Высота сосуда – 19 см, диаметр венчика – 15,7 см, диаметр шейки – 15,5 см, максимальный диаметр тулова – 21,6 см (рисунок 9, 9).

Возле плеча стоял ритуальный сосудик – курильница. Глиняный с круглым дном и коротким горлом. Орнамент в виде зигзагообразных насечек нанесен по верху тулова. Сосуд на шейке имеет два противостоящих отверстия. Поверхность хорошо заглажена. Тесто в изломе серого цвета. Высота сосуда – 7,2 см, диаметр венчика – 5,3 см, диаметр шейки – 5,2 см, максимальный диаметр тулова около – 8,4 см (рисунок 9, 8).

Рядом с курильницей стояло бронзовое зеркало со слегка овальным диском и загнутой окраиной, имеет два отверстия для крепления ручки. Зеркало, возможно, было помещено в деревянный футляр, от которого сохранились фрагменты дерева (рисунок 9, 5).

Погребение 4. Находилось в центральной части кургана под каменной конструкцией. На уровне погребенной почвы контуры могильной ямы опоясывали каменные плиты. Заполнение ямы представляло собой супесь коричневого цвета со следами прокала и вкраплениями гумуса и угля. Могильная яма подовальной формы, длинными сторонами ориентирована по оси запад-восток с небольшим отклонением. Ее размеры на уровне материка 3,0х4,0 м, глубина – 1,5 м. Стенки ямы скошены ко дну и приобретают размеры 2,8х3,5 м (рисунок 10, 1). В процессе расчистки на глубине 0,20 м в северо-западном углу на глубине – 0,2 были расчищены развалы двух сосудов.

Первый больших размеров с яйцевидным туловом, широким горлом и массивным выделенным дном. Вся поверхность тулова орнаментирована пальцевыми или палочными вдавлениями. Ряд пальцевых вдавлений также проходит по шейке сосуда. Обжиг неравномерный. Тесто плохого качества, серого цвета. Высота сосуда – 37,5 см, диаметр венчика – 22,1 см, диаметр шейки – 21,5 см, максимальный диаметр тулова около – 28 см, диаметр дна – 12,4 см (рисунок 11, 5).

Второй сосуд с неправильным очертанием тулова, приближающимся к яйцевидной форме, отогнутым наружу венчиком, широким устьем и дном. Сосуд не орнаментирован, поверхность заглажена. Обжиг неравномерный, тесто серого цвета. Высота сосуда – 13,4 см, диаметр венчика – 10,4 см, диаметр шейки – 10,6 см, максимальный диаметр тулова около – 13,2 см, диаметр дна – 10,0 см (рисунок 11, 6).

На глубине 1,2 м в засыпи центральной части ямы обнаружены бусы – уплощенно-эллипсоидные, из темно-синего и голубого стекла с глазками и полосками белого и желтого цветов (рисунок 11, 7-10).

На дне ямы был расчищен скелет взрослого человека очень плохой сохранности, лежавший по ее диагонали. Судя по сохранившимся останкам (фрагменты черепа, кости обеих рук, ребра левой половины, позвонки, кости ноги), скелет лежал вытянуто на спине, головой на юго-запад. Руки были вытянуты вдоль туловища. Погребенного сопровождала жертвенная пища в виде костей крупного животного. С правой стороны на уровне таза лежали трубчатые кости, а в изголовье реберные кости.

На левой стороне скелета лежал железный меч с бабочковидным перекрестием, форма навершия не сохранилась. Меч был заправлен в деревянные ножны, от которого сохранился деревянный тлен. Клинок обоюдоострый в сечении линзовидный, длина меча около 70 см (рисунок 10, 2).

На лезвии меча лежал железный колчанный крючок, сделанный из прямоугольного прута с расширяющейся верхней частью (рисунок 10, 3).

Также с левой стороны на уровне колена находился колчанный набор с 55 бронзовыми втульчатými наконечниками стрел (рисунок 10, 6-60). Рядом с наконечниками лежала костяная ложечка с круглым черпачком с выделенным бортиком, ручка в сечении овальная, длина ручки – 6,5 см, диаметр черпачка – 3-2,8 см. Поверхность ложечки заполирована (рисунок 10, 4). К колчану также относится железная пластина (рисунок 10, 5).

Слева на уровне плеча погребенного в 32 см находились бронзовые изделия от уздечного набора. Это две идентичные бронзовые плоские бляшки в виде двояных голов грифонов со скобой на обратной стороне (рисунок 11, 3-4) и одна плоская бляха в виде головы грифона с большим загнутым носом и с ушком для крепления (рисунок 11, 1). Еще одна бронзовая бляшка, оформленная в виде обернувшегося назад кошачьего хищника со скобой на обратной стороне, было обнаружено в засыпи могильной ямы (рисунок 11, 2).

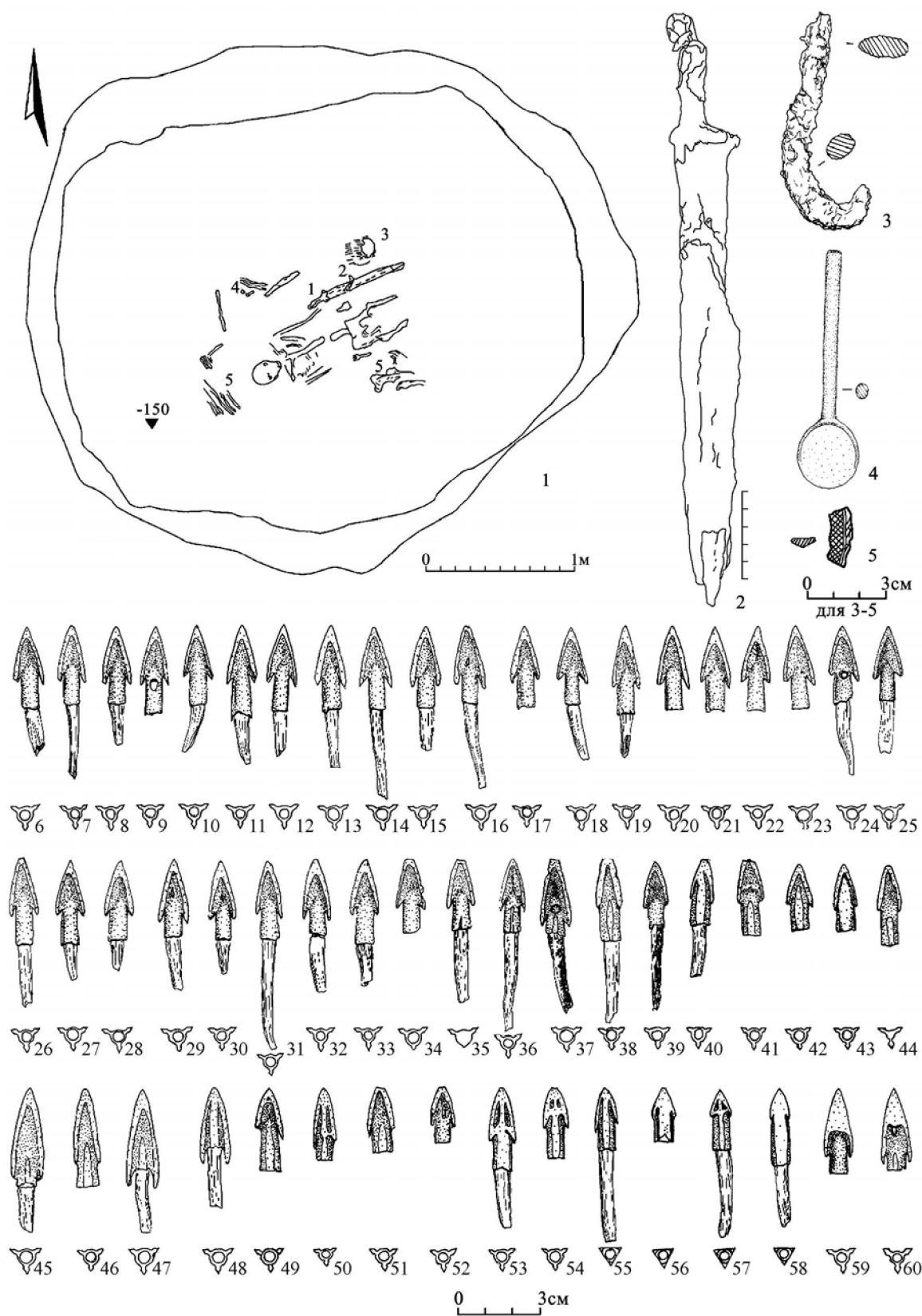

Рисунок 10 – Могильник Сапибулак, курган 6, погребение 4. 1 – план погребения; 2 – меч; 3 – крючок; 4 – ложка; 5 – пластина; 6-60 – наконечники стрел. 2-3, 5 – железо; 4 – кость; 6-60 – бронза

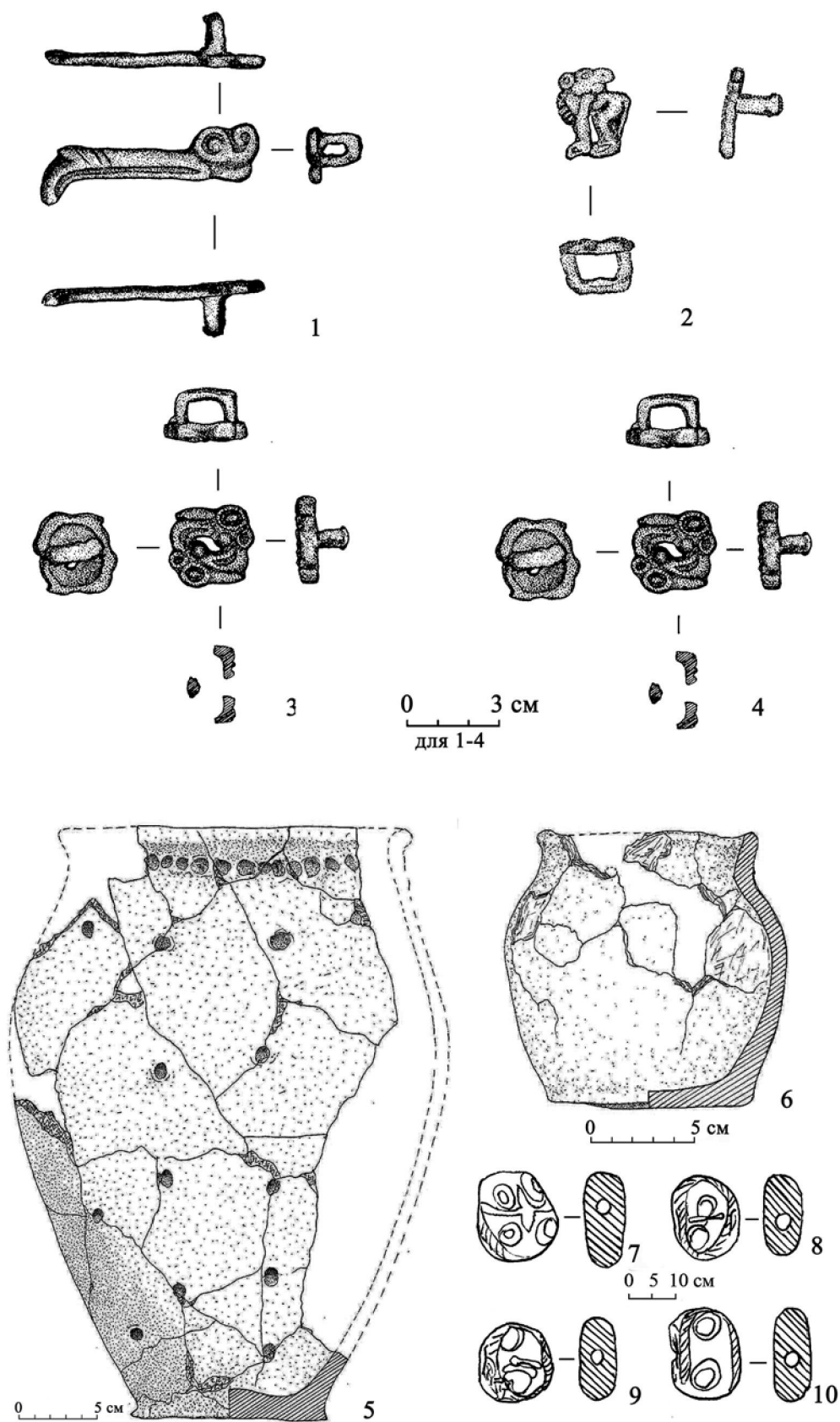

Рисунок 11 – Могильник Сапибулак, курган 6, погребение 4.
1-4 – бляхи; 5-6 – сосуды; 7-10 – бусы. 1-4 – бронза; 5-6 – глина; 7-10 – стекло

Курган 7. Расположен в 80 м к западу от кургана 1, на самом западном краю террасы и курганного поля. На вершине кургана ранее стоял геодезический знак, от которого остались бетонные основы трех опор и массивный бетонный репер в центре насыпи. При установке знака насыпь кургана была сильно перекопана. На кургане от геодезических работ остался глубокий ров под квадратной формы и воронка в центральной части. В западной части насыпи выступали два больших, удлиненных камня, поставленные ребром, возможно, сохранившиеся части крепиды или ограды. Современная высота наибольшей точки насыпи 0,5 м, диаметр 14 м (рисунок 12).

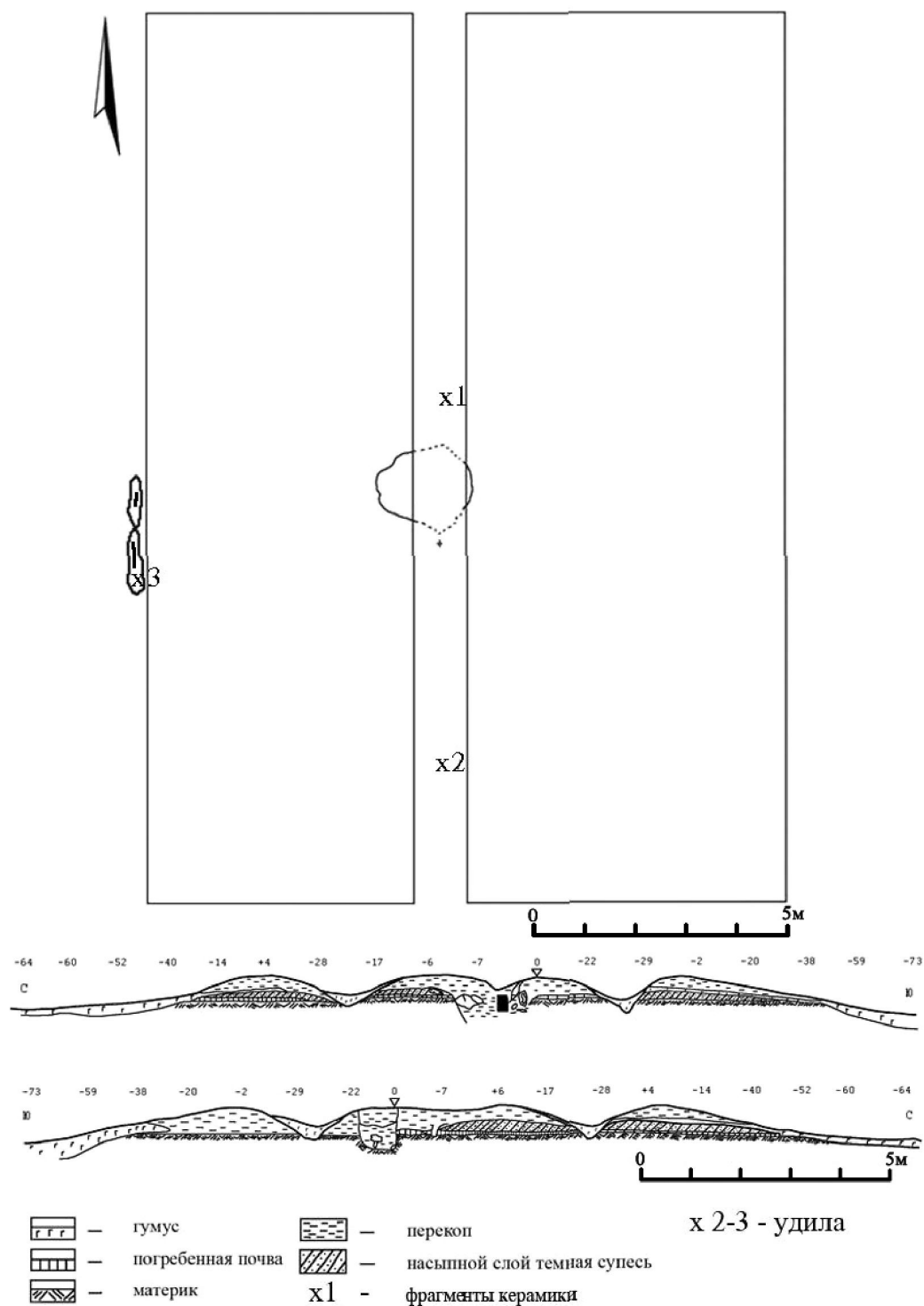

Рисунок 12 – Могильник Сапидулак, курган 7. План раскопа и разрезы бровок

При раскопках насыпи вдоль восточной части бровки в 2,4 м к северу от «0» в толще перекопа найдены фрагменты от двух керамических сосудов:

- фрагменты круглодонного сосуда приземистой формы с воронковидным горлом. На месте сочленения тулова и шейки сосуд опоясан валиком, ниже которого проходят зигзагообразные насечки и наlepные сосцевидные шишечки. Поверхность сосуда хорошо заглажена, тесто черное. Орнамент сосуда дополнен отверстиями на горле и тулове сосуда. Высота сосуда – 21,1 см, диаметр венчика – 17,5 см, диаметр шейки – 16,1 см, максимальный диаметр тулова около – 25,5 см (рисунок 13, 5).

- фрагмент верхней части сосуда с отогнутым наружу венчиком (рисунок 13, 6).

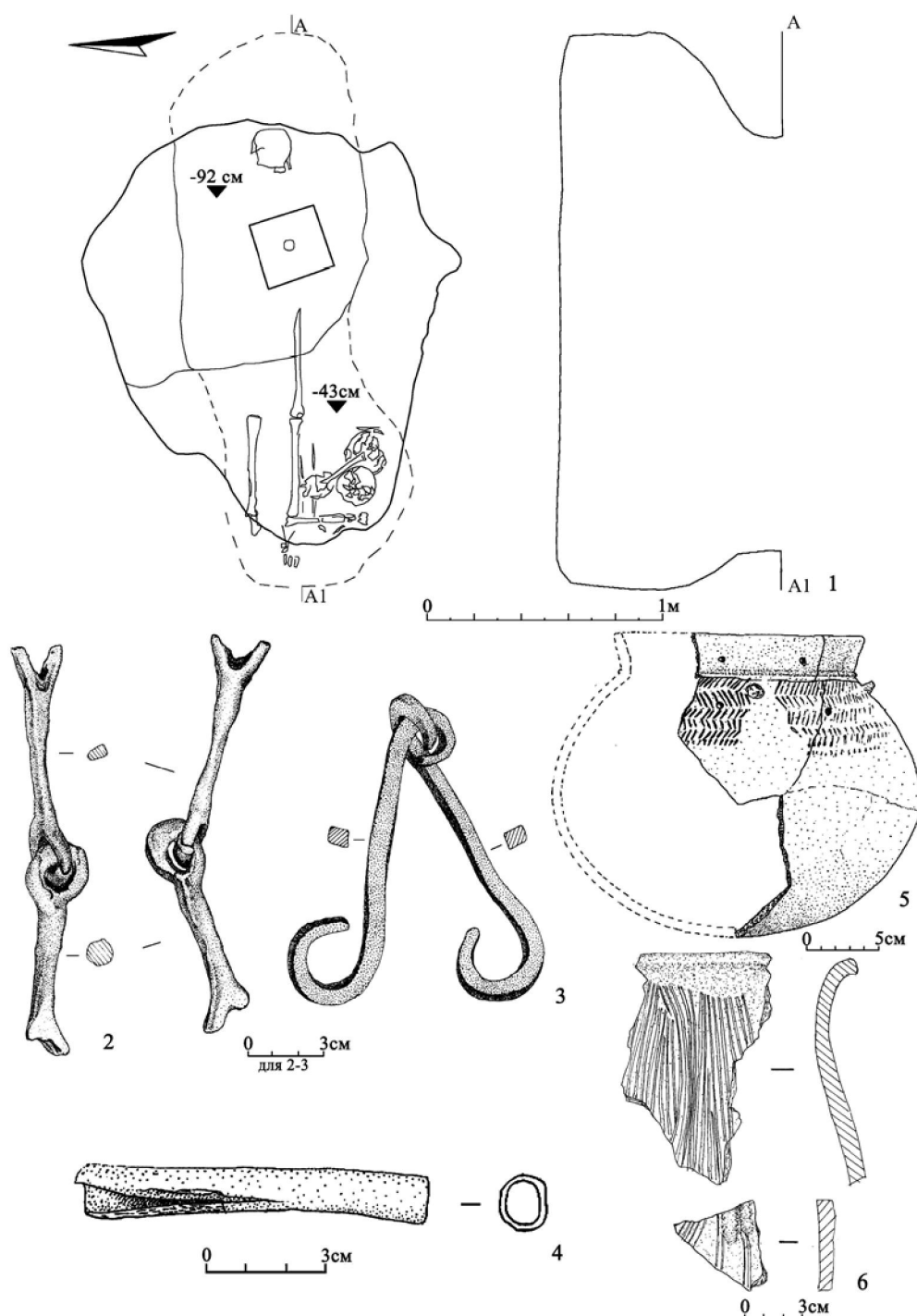

Рисунок 13 – Могильник Сапибулак, курган 7. 1 – план и разрез погребения; 2, 3 – удила; 4 – костяная трубочка; 5, 6 – сосуды. 2, 3 – бронза; 4 – кость; 5, 6 – глина

Также в насыпи кургана в двух местах обнаружены бронзовые удила. Первая пара находилась в западной бровке, в 4 м к югу от «0», выполнены из округлого в сечении бронзового прута. Стремечковидные окончания были, возможно, специально обломаны в древности. Длина звеньев – 9,3 см (рисунок 13, 2). Еще одна пара удили найдена у основания камней. Они сделаны из прямоугольного в сечении бронзового прута с закругленными в петлю концами. Длина их звеньев составляет 12,4 см (рисунок 13, 3).

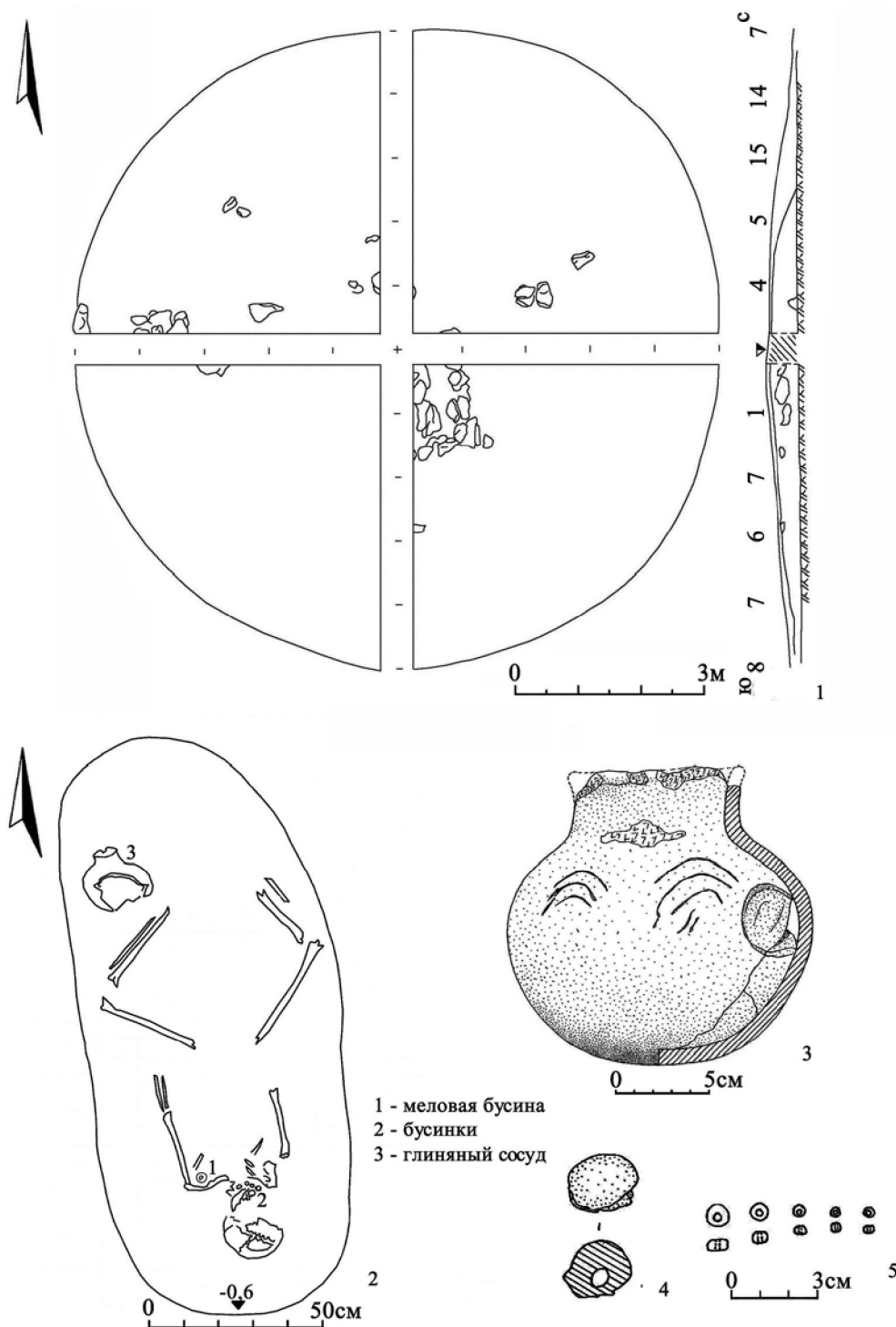

Рисунок 14 – Могильник Сапибулак, курган 9. 1 – план и разрез бровки кургана; 2 – план погребения; 3 – сосуд; 4, 5 – бусы. 3 – глина, 4 – мел, 5 – стекло, камень

Могильная яма располагалась по центру подкурганной площадки. На уровне материка контуры могильной ямы имели неправильные очертания. На глубине 10 см в юго-западном углу ямы находились сложенные в кучу два черепа и кости конечностей человека плохой сохранности (Выявлены останки двух индивидов муж. 35-45 лет и ребенка около 9 лет). Ниже их в засыпи была найдена трубчатая кость с отполированной поверхностью (рисунок 13, 4). Контуры могильной ямы по дну приближались к прямоугольнику с сильно закругленными углами, торцовые стены которого оформлены нишами. Размеры по дну составляли 0,7 x 2,3 м. Глубина ямы от уровня материка 0,92 м. Длинной осью она была направлена по линии запад-восток. Центральную часть могильной ямы пробивал бетонный столб, при установке которого прорубили кости туловища, таза и верхние конечности скелета. Судя по сохранившимся костям нижних конечностей и черепа, погребенный был уложен вытянуто на спине головой на восток (рисунок 13, 1).

Курган 9. Расположен в 130 м северо-восточнее от кургана 1. Насыпь земляная, уплотненная, округлой в плане формы, поверхность была слабо задернована и не имела заметных повреждений. На современной дневной поверхности ее диаметр составлял 10 м. Высота 0,3 м (см. рисунок выше 14, 1).

После снятия насыпи в центральной части кургана была зафиксирована каменная выкладка, под которой располагалась могильная яма подпрямоугольной формы размерами 1,65x0,7 м и глубиной 0,6 м. Длинной осью она была направлена по линии юг-север. Заполнение ямы рыхлое, состояло из легкой коричневой супеси. На дне ямы был расчищен скелет ребенка (возраст около 9 лет). Погребенный лежал на спине, головой на юг, ноги согнуты в коленях, руки вытянуты вдоль туловища (рисунок 14, 2). Около шейных позвонков погребенного были найдены 5 бусин округлой формы из них: 3 – стеклянные голубого цвета, 1 – стеклянная бежевого цвета, 1 – более крупная каменная (?) (рисунок 14, 5). Также между правой ключицей и плечевой костью находилась крупная бусина из меловой породы, бочонковидной формы, ее размеры: диаметр – 2,1 см, длина – 2,5 см (рисунок 14, 4).

В ногах, в северо-западном углу ямы лежал круглодонный сосуд приземистой формы, приближающийся к шаровидному с отогнутым венчиком. Орнамент сосуда своеобразный, в виде тройных прочерченных дуговидных линий. Высота сосуда – 15,5 см, диаметр венчика – около 9 см, диаметр шейки – 8,2 см, максимальный диаметр тулова около – 16 см (рисунок 14, 3).

Палеоантропология могильника Сапибулак. В результате археологического изучения могильника Сапибулак были изучены скелетные останки 7 индивидов плохой сохранности. В одном случае определить пол и возраст не представилось возможным в связи с фрагментарностью костей. Половозрастные определения представлены в таблице 1. Для краниологического изучения пригодны 2 черепа (краниометрические данные представлены в таблице 3).

Таблица 1 – Половозрастные определения по костным останкам из могильника Сапибулак

Курган	Погребение	Пол	Возраст (лет)	Датировка
1	1	♂	45-55	VI – IV вв до н. э.
4	4	реб.	2	IV – II вв до н. э.
6	3/Вост. Ск.	♂	25-35	VI – IV вв до н. э.
6	3/Зап. Ск.	?	?	VI – IV вв до н. э.
6	1	♂	35-45	VI – IV вв до н. э.
7	1	♂	35-45	VI – IV вв до н. э.
7	1	реб.	9	VI – IV вв до н. э.
9	1	реб.	9	IV – II вв до н. э.

Описание краниологического материала. Сапибулак к. 1 п. 1. Череп фрагментирован, отсутствуют кости основания черепа, реставрирован автором статьи (рис. 17). Черепная коробка имеет посмертную деформацию по сагиттальной линии в области затылочной и височных костей. Черепная коробка брахикранная (форма черепной коробки определена визуально с учетом посмертной деформации), высокая. Лоб очень широкий. Лицевой отдел очень широкий, высокий.

Горизонтальная профилировка на верхнем уровне несколько ослабленная, что, видимо, связано с большой шириной лица. Орбиты широкие, хамэкonnéные. Нос широкий, средневысокий по указателю платиновый. Носовые кости среднеширокие, средневысокие в профиль выступают несильно. Глубина клыковой ямки средняя.

Таблица 3 – Краниометрические данные мужских черепов из могильника Сапибулак

Признак	Линейные:	к. 1 п. 1	к. 6	Признак	Линейные:	к. 1 п. 1	к. 6
1.	Продольный диам.	–	186,0	mc.	Максиллофр. ширина	21,9	–
8.	Поперечный диам.	–	144,0	ms.	Максиллофр. высота	7,1	–
17.	Высотный диам.	–	–	dc.	Дакриальная ширина	24,3	–
20.	Ушная высота	–	117,0	ds.	Дакриальная высота	10,8	–
5.	Длина осн. черепа	–	–		Угловые:		
9.	Наим. ширина лба	109,0	97,0	32.	Наклона лба	–	83,0
10.	Наиб. ширина лба	135,0	126,0	GM/FH	Профиля лба от g.	–	75,0
11.	Шир. осн. черепа	–	125,0	72.	Общелицевой	–	91,0
12.	Ширина затылка	–	115,0	73.	Среднелицевой	–	95,0
25.	Сагиттальная дуга	–	371,0	74.	Альвеолярной части	–	83,0
26.	Лобная дуга	125,0	127,0	75.	У. накл. нос. костей	–	–
27.	Теменная дуга	–	148,0	75(1).	Выступания носа	22,0	–
28.	Затылочная дуга	–	96,0	77.	Назомаллярный	138,0	135,0
29.	Лобная хорда	112,0	114,0	zm.	Зигмаксиллярный	–	131,0
30.	Теменная хорда	–	129,0		Указатели:		
31.	Затылочная хорда	–	87,0	8/1.	Черепной	–	77,4
40.	Длина осн. лица	–	–	17/1.	Высотно-продольный	–	–
43.	Верхняя ширина лица	115,0	97,0	17/8.	Высотно-поперечный	–	–
45.	Скуловой диаметр	–	–	20/1.	Высотно-прод. от р.	–	62,9
46.	Средняя ширина лица	–	99,0	20/8.	Высотно-попер. от р.	–	81,3
47.	Полная высота лица	122,0	–	9/8.	Лобно-поперечный	–	67,4
48.	Верхняя высота лица	76,0	74,5	9/43.	Фронтально-малярный	94,8	100,0
51.	Ширина орбиты	48,3	45,8	40/5.	Выступания лица	–	–
51a.	Ширина орбиты от d.	45,2	–	48/45.	Верхнелицевой	–	–
52.	Высота орбиты	34,4	31,4	47/45.	Общелицевой	–	–
54.	Ширина носа	27,2	23,3	52/51.	Орбитный	71,2	68,6
55.	Высота носа	52,9	52,5	54/55.	Носовой	51,4	44,4
60.	Длина альвеол. дуги	–	–	61/60.	Альвеолярный	–	–
61.	Шир. альвеол. дуги	–	64,0	ss/sc.	Симотический	36,8	–
sc.	Симотическая ширина	8,7	–	ms/mc.	Максиллофронтальный	32,4	–
ss.	Симотическая высота	3,2	–	ds/dc.	Дакриальный	44,4	–
FC.	Глуб. клыковой ямки	4,7	1,9				

Сапибулак к. 6. Череп реставрирован автором статьи. Отсутствуют носовые кости (рис. 17). Мозговой отдел имеет среднеширокий, высокий, по указателю долихокранный. Лоб среднеширокий, средненаклонный. Лицевой отдел узкий на верхнем и среднеширокий на нижнем уровне, высокий. Лицо хорошо профилированное (по горизонтали) и ортогнатное (по вертикали), при мезогнатной альвеолярной части. Глубина клыковой ямки малая. Скуловая вырезка слабовыраженная. На левой теменной кости фиксируется вдавленный след от зажившей травмы овальной формы размерами 17x25 мм (рис. 18).

Среди антропологических материалов савроматского времени, происходящих с территории Западного Казахстана, травматические повреждения встречаются редко, что подтверждается и данными с территории Поволжья и Подонья, в отличие от поздних этапов сарматского периода [1; 2].

Сравнительная характеристика. Сравнивая черепа между собой, несмотря на их сохранность, можно отметить значительные отличия между ними. Черепа отличаются не только формой черепной коробки, но и абсолютно противоположными размерами ширины лба и лицевого отдела.

Проведен внутригрупповой анализ краниологических материалов могильника Сапибулак совместно с опубликованными и неопубликованными материалами автора статьи савроматского времени с территории Западного Казахстана. В связи с плохой сохранностью материала анализ методом главных компонент был проведен по 10 признакам (таблица 2), доступных для измерения на обоих черепах. К сожалению, ограниченный набор признаков не позволяет провести анализ с использованием основных таксономически важных признаков, что может повлиять на итоги статистического анализа.

Таблица 2 – Факторная структура (нагрузки на компоненты)

	ГК I	ГК II	ГК III	ГК IV
9.	0.835	-0.068	-0.034	-0.100
10.	0.830	0.164	0.388	-0.067
43.	0.681	0.232	-0.284	0.305
48.	0.711	-0.203	0.487	-0.065
51.	0.773	0.311	0.302	0.074
52.	0.736	-0.319	-0.336	0.080
54.	0.586	0.674	-0.101	-0.240
55.	0.376	-0.796	0.285	0.271
FC.	0.559	-0.089	-0.687	0.253
77.	-0.327	0.440	0.297	0.734
Собств. число	4.399	1.615	1.325	0.858
Доля в общ. дисперсии	43.986	16.145	13.248	8.579

Статистическую основу анализа составил метод вычисления главных компонент с использованием программы написанной Б. А. Козинцевым. По результатам анализа для графика были использованы I и II главные компоненты (далее ГК) отражающие 44 и 16,1% общей изменчивости (рисунок 15, таблица 2). По первой ГК наиболее значимыми являются наименьшая ширина лба, наибольшая ширина лба, ширина и высота орбиты, верхняя высота лица. Вторая ГК отражает наибольшие нагрузки со стороны ширины и высоты носа и назомалярного угла. Значимой является и третья ГК, отражающая 13,2% дисперсии.

Для определения внутригрупповой структуры в таксономическом поле ГК применялась кластеризация значений нагрузок на четыре значимых ГК (рисунок 16). В результате получен один основной кластер, который объединил большую часть участвующих в анализе материалов. Ареал кластера находится в переходной зоне первых двух ГК. Остальные кластеры немногочисленны и, видимо, могут говорить о наличии разных антропологических вариантов в составе населения савроматского времени региона. Так черепа из могильников Онайбулак к. 1, п. 4 и Сапибулак к. 1, п. 1 выделились в один кластер как самые широколобые, высоко- и широкоорбитные и высоколицы. Надо отметить, что перечисленные черепа характеризуются брахикранной черепной коробкой и морфологически близки друг другу. Череп из могильника Сапибулак к. 6 п. 1 расположен в основном кластере в переходной зоне ГК. Таким образом, наличие в могильнике двух черепов с различными краниологическими характеристиками позволяет сделать предварительный вывод о неоднородности населения оставившего могильник Сапибулак в савроматский период времени.

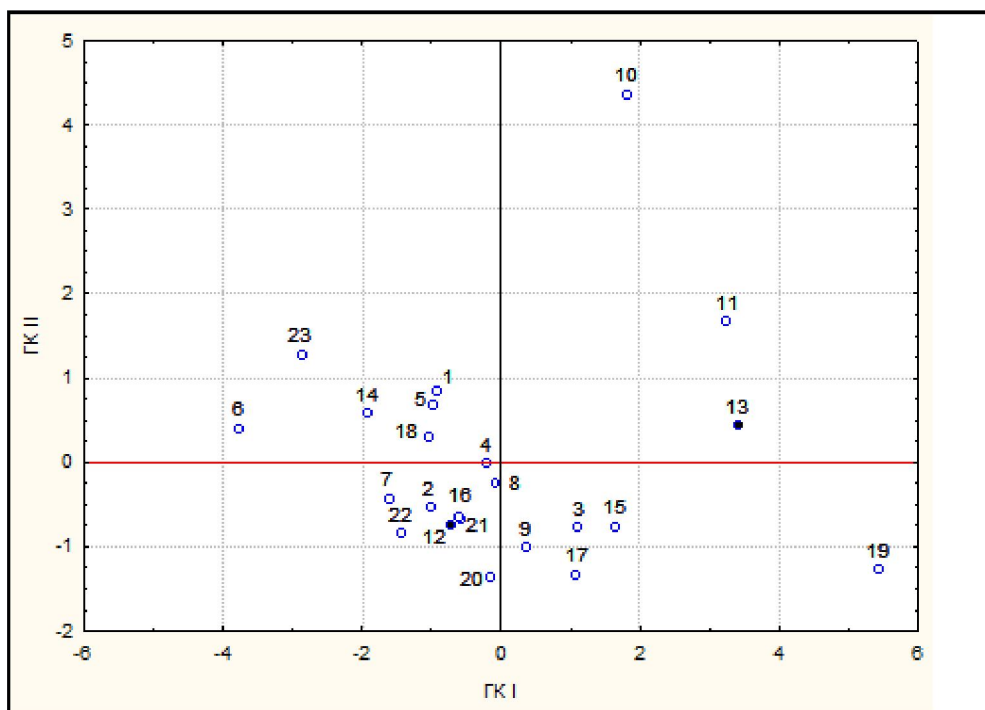

Рисунок 15 – Мужские черепа савроматского времени в системе I и II главных компонент

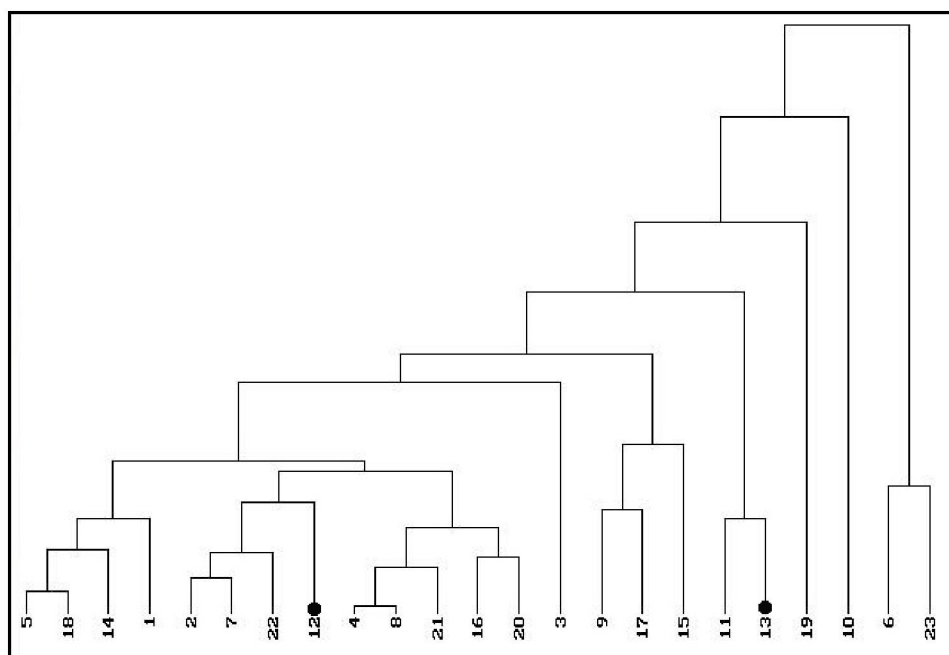

Рисунок 16 – Результаты кластеризации нагрузок на 4 первых ГК. 1 – мог. Уркач I, к. 23, ск. 1; 2 – мог. Уркач I, к. 26, ск. 2; 3 – мог. Уркач I, к. 26, ск. 3; 4 – мог. Восточные Курайли I, к. 35, п. 3; 5 – мог. Танаберген II, к. 4; 6 – мог. Шоктыбай III, п. 3; 7 – мог. Кудуксай, к. 1, ск. 1; 8 – мог. Кудуксай, к. 1, ск. 2; 9 – мог. Лебедевка I, к. 2, п. 2; 10 – мог. Сары-Тау II, к. 3, п. 1; 11 – мог. Онайбулак, к. 1, п. 4, СЗ угол; 12 – мог. Сапибулак I, к. 6 п. 1; 13 – мог. Сапибулак I, к. 1, п. 1; 14 – мог. Солончанка II, к. 1, центр; 15 – мог. Солончанка II, к. 1, м.я. 1; 16 – мог. Победа, к. 3, п. 5; 17 – Яковлевский кург. м-к, к. 2, п. 2; 18 – Яковлевский одиночный курган, п. 2; 19 – Яковлевский кург. м-к, к. 3, п. 1; 20 – мог. Лебедевка, к. 21, п. 2; 21 – мог. Лебедевка V, к. 38; 22 – мог. Лебедевка VII, к. 1, п. 4; 23 – мог. Лебедевка VII, к. 16, п. 7.

Примечание: Заливкой выделены материалы могильника Сапибулак. Источники данных: неопубликованный материал автора – №1–11; №14–16 (по: [3]); №17–19 (по: [4]); №20–23 (по: [5]).

Как известно, палеоантропологический материал савроматского периода Волго-Уральского региона представлен тремя антропологическими типами: первый – брахикранный, с покатым лбом, массивным надпереносьем, крупным и профилированным лицевым отделом; второй – тоже европеоидный, но с более узким черепом и лицевым отделом; третий – это своеобразный низколиций, с монголоидными особенностями морфологический тип [5, с. 134].

Рассматривая два имеющихся черепа из могильника Сапибулак, можно согласиться с существованием антропологического разнообразия в рассматриваемое время. Массивный брахикранный, европеоидный и узколиций долихо-мезокранный комплексы имеют аналогии, среди населения эпохи бронзы [5, с. 134; 6, с. 260]. Возможно, можно лишь частично согласиться с выводами М. А. Балабановой о том, что морфологическое своеобразие населения савроматского времени приобреталось на востоке, и имеет азиатские корни [7, с. 36]. К примеру, «андроноидный» и ураллоидный компонент отмечен не только у ранних кочевников Волго-Уральского региона, но и Устюрта на материалах савроматских могильников [8, с. 19].

Становление физического типа ранних кочевников в рассматриваемое время происходило на большой территории, где, несомненно, ключевую роль играла территория Приуралья и местный субстрат, несомненно, должен был повлиять на антропологический облик населения савроматского времени территории степной полосы Волго-Уралья.

Обсуждение результатов. Таким образом, в результате работ на могильнике Сапибулак было исследовано шесть курганов датируемых ранним железным веком. Изучение памятников этого периода относящихся к бассейну р. Илек несмотря на многолетнюю историю исследования все еще остается актуальным. Рассматриваемый могильник, судя по материалам, использовался в эпоху ранних кочевников и отражает культуру населения Южного Приуралья VI–II вв. до н. э. Территория могильника на протяжении раннего железного века, использовалась периодически, что также, возможно, отражено в расположении самих курганов. При этом для возведения насыпей выбирались самые высокие точки площадки.

По погребальному обряду и инвентарю наиболее ранними выглядят курганы 1, 6–7. Для последовательности описания выбран хронологический принцип возведения курганов (от более ранних к более поздним). За наиболее ранний в могильнике принят курган 1. Погребальный обряд, фиксируемый в этом кургане, был широко распространен в памятниках Южного Приуралья конца VI–V вв. до н. э. В частности, такие элементы как каменные кольца и глиняные валы, ранее были отмечены в археологических комплексах Южного Приуралья. Наиболее часто они встречаются в бассейне реки Урал и его притоков Орь и Илек, в таких памятниках как Мечетсай, Пятимары I, Салтак II, Сарытау I, Кырык-Оба II и др. [9, с. 318, рис. 20, 1, 25; 10, с. 29, 78; 11; 12; 13; 14, с. 178–180; 15, с. 199]. Из отмеченных памятников более близкие черты имеют надмогильные конструкции курганы могильника Сарытау I, где были встречены двойные кольца, совмещенные с валом [16, с. 92]. Органический настил на подкурганной площадке, обширная яма и расположение скелета внутри деревянной рамной конструкции также свойственны элитным памятникам, также приуроченных к бассейнам вышеуказанных рек. Примечательно, что захороненные внутри этих деревянных конструкций, располагались головой в западную сторону, сопровождалась инвентарем жреческого характера и обильной заупокойной пищей. Почти полные аналогии мы находим в могильниках у с. Новый Кумак, Тара-Бутак и Мечетсай [9, с. 94, рис. 18, 23; 17, с. 213–214, рис. 9]. Находка деталей конской узды на перекрытии могильной ямы, часто сопровождается с обрядом захоронения коня. С этим обычаем связывают захоронение целого коня или его черепа, как на уровне древнего горизонта, так и на деревянном перекрытии могилы [18, с. 41–42; 19, с. 146]. Вероятно, с этой традицией соотносятся клады металлических изделий, состоящие из составных частей упряжи, которые обычно находятся у основания курганов.

Вещевой материал, как и погребальный обряд, достаточно выразителен в определении хронологической позиции кургана. Бронзовые наконечники представлены крупными экземплярами, массивными двух-, трехлопастными и трехгранными со сводчатой и непрофилированной шипастой головкой и выступающей или скрытой втулкой. Такое сочетание наконечников стрел наиболее типично для памятников середины VI–V вв. до н. э. [20, табл. 1–5]. Железные наконечники с плоской головкой, переходящей в плоский черешок редки, и известны всего в трех памятниках Южного Приуралья этого времени (к. 7 у с. Сара, к. 2 мог. Кызылжар, к. 16 мог. Уркач I). Наконеч-

ники стрел этой категории широко бытовали в Средней Азии и Сибири и имеют иранские корни от листовидных бронзовых наконечников [11, с. 23, 26, табл. 14; 20, рис. 22, *A 16*].

Железный меч, происходящий с кургана, имеет грибовидное навершие и бабочковидное перекрестье. Мечи с подобными навершиями, датирующиеся концом VI–V вв. до н. э., известны с кургана 7 могильника Новый Кумак, кургана Березовский I и кургана 8 могильника Илекшар I [17, с. 212, 224–225, рис. 7, 10; 21, с. 155–156, рис. 2, 1; 22, с. 95, 96, рис. 5, 7].

К предметам вооружения также относится умбон (?). На территории южно-уральского региона нам известны всего два экземпляра датирующиеся рубежом VI–V вв. до н. э. с седьмого кургана могильника у с. Сара (без отверстия) и с пятого кургана у с. Липовка. Находка с кургана у с. Сара был определен как умбон от деревянного щита, а у с. Липовка – ворворкой или бляшкой от колчана [20, с. 75, рис. 42, 2; 23, с. 8–9, рис. 4, *B*]. Еще один дериват был найден при раскопках четвертого кургана могильника Филипповка I датируемого авторами раскопок в пределах второй половины V – IV вв. до н. э. [24, с. 16–22, рис. 4]. Другой точке зрения, с которой солидарны и авторы статьи, данная категория инвентаря применялась вместе с наконечниками стрел и служила в качестве умбона на лицевой крышке горита [25, с. 73, табл. 17; 26, с. 145, ил. 144, 2] или же являлась колчанными ворворками [27, с. 109]. Железный предмет квадратной формы, скорее всего, представляет собой остатки поясной обоймы встречающейся в раннем железном веке на обширной территории Евразии. Рассматриваемая же обойма по классификации П.И. Шульги относится ко второму типу, для которых характерна квадратная форма [28, с. 117]. Помимо Южного Приуралья, наиболее близкие аналоги происходят с территории Южного Зауралья и Алтая [28, рис. 48, 2, 80, 11; 29, рис. 1, 2, 3].³

Железные и бронзовые предметы конского снаряжения, найденные на перекрытии могилы, были широко распространены у племен Южного Приуралья. Железные псалии, вероятно, имели зооморфные окончания. Плохая сохранность металла не позволяет более точно установить образ животного, но по стилистике одно из окончаний больше похоже на голову лошади. Такие псалии относятся к V типу и использовались в VI–IV вв. до н. э. [20, с. 86–87]. В виде головы лошади также был оформлен налобник. Вообще, изображения лошади относительно редки для изобразительного искусства кочевников Южного Приуралья [30, с. 51–52], большинство памятников, где они встречены, относятся к концу VI–V вв. до н. э. Отдельно стоит остановиться на железных кольцах, являющихся редкостью и одним из датирующих материалов. Похожие изделия встречены в шести памятниках Урала и Илека конца VI–начала V вв. до н. э. (Пятимары I, курган 8, Мечетсай, курган 2, Новый Кумак, курган 5 третьей Аландской группы, курган I могильник Бесоба, Кырык-Оба II, курган 18) [9, рис. 21, 1*n*, 27, 13–14; 1977, с. 26, рис. 12, 2; 12, рис. 5, 15–16; 31, с. 61, рис. 5, 6; 32, с. 113, рис. 2, 5, 7]. Расположение колец по бокам лошади позволяет предположить об их использовании в качестве подпружных колец [10, с. 32].

К категории предметов культа, вероятно, относится костяное изделие. Оно, как нам кажется, служило в качестве ручки от изделия, вероятно, выполнявшую функцию ложки. Об этом свидетельствует сама форма изделия, фрагменты железа и следы обмотки на нем. В литературе вопрос смысловой нагрузки костяных ложечек, широко распространенных в памятниках ранних кочевников, уже рассматривался [33, с. 80–96]. Наш вывод подтверждается также наличием среди наконечников стрел семян растений. По письменным и археологическим данным кочевники степной Евразии в качестве природных галлюциногенов обычно использовали коноплю и дурман. Часто их находят в сосуде, курильнице или же в горите [34, с. 101–104].

Каменный столик по оформлению дна близок к жертвеннику из кургана 18 Ново-Кумакского могильника отнесенный В.Н. Васильевым ко 2 подтипу II типа группы I. Как правило, жертвенники этого типа использовались в V в. до н. э. [35, с. 25–26, рис. 2, 5].

Весьма оригинален и железный нож, его отличают как размеры, так и форма. В процессе похорон его положили вместе с ребрами лошади на деревянное блюдо с железными оковками.

Оба керамических сосуда, связанные с погребением, объединяет яйцевидная форма тулова, и по классификации К.Ф. Смирнова относятся к IV и VII отделу плоскодонных сосудов. Сосуды IV отдела датируются довольно в широких хронологических рамках VI–IV вв. до н. э. Самые ранние экземпляры керамики VII отдела в Южном Приуралье, появляются в погребениях V в. до н. э. [9, с. 114].

Труднее определить хронологию кургана 7. К сожалению, нарушенная насыпь и могильная яма не позволяют судить о процессах совершения захоронения, что затрудняет более точно установить дату погребений. В данном случае, не совсем ясно единый ли это комплекс или курган использовался позднее для совершения впускного погребения. Для определения хронологической позиции кургана обращают на себя внимание остатки выявленной ограды. Сооружения из вертикально установленных плит не характерны для погребального обряда кочевников Южного Приуралья. Похожие памятники известны к востоку от рассматриваемого региона. Так, на территории Северного (Саргары II, Жабай-Покровка, Рузаевка), Центрального (Толагай, Талдысай, Ак-Мустафа) и Восточного Казахстана (Измайловка, Меновое VIII) и Алтая (Кок-су I) известны каменные ограды, но без могильных ям и человеческих захоронений. Примечательно, что, как и в нашем случае, внутри этих оград или под ее камнями обычно находят предметы конского снаряжения, большинство которых датируются VIII–VII вв. до н. э. [36, с. 158; 37, с. 13–14].

Могильная яма содержала три скелета находившихся на разных уровнях. Больше всего были нарушены кости двух индивидов лежавших выше на незначительной глубине. Вероятно, основным погребением является нижний скелет, а кости захороненных на верхнем уровне были переложены при установке триангуляционного знака. Возможно, что в могиле было совершено ярусное захоронение, применявшееся в погребальной практике населения Южного Приуралья еще с предскифского времени [38, с. 147–148]. Ориентировка костяка не служит достоверным хронологическим признаком. Хотя положение скелета головой в восточную сторону встречается с VIII–VII вв. до н. э. [9, с. 91]. В погребальных комплексах Южного Приуралья конца VI – V вв. до н. э. восточная ориентировка составляет 12,7% [11, с. 96].

Бронзовые удила со стремечковидными окончаниями распространены на обширной территории Евразии. Особенно активно они применялись на юге Восточной Европы, в Южной Сибири и на Алтае [39, с. 68–69]. Рассматриваемые удила простые без дополнительных отверстий, окончания их специально обломаны, что не позволяет с уверенностью говорить об их форме как об одном из диагностирующих признаков. Вероятнее всего, окончания имели характерную для раннескифского времени треугольную форму и по сравнению с удилами с окончаниями в виде широкого стремечка с овальной или округлой вершиной использовались несколько позднее, в основном в VII–VI вв. до н. э. [28, с. 71–73]. На территории Южного Приуралья известно всего три пары удили, датирующиеся в пределах VII–V вв. до н. э. Один происходит с Баймакского района Башкирии (по данным К.Ф. Смирнова отчет о раскопках отсутствует, а находка хранится в Уфимском музее), второй был обнаружен на поселении андроновской культуры на левом берегу Кара-Бутак Оренбургской области. Обе находки были отнесены к VII–первой половине VI вв. до н. э. [20, с. 79, рис. 43, 10–11]. Еще один был найден при раскопках третьего кургана могильника у дер. Гумарово датирующегося рубежом VI–V вв. до н. э. [40, с. 108, 110, табл. 6]. В Южном Зауралье стремечковидные удила встречаются на бобровско-тасмолинском и древнепрохоровском этапах истории ранних кочевников датирующихся VII–серединой VI вв. до н. э. и второй половиной VI–V вв. до н. э., соответственно [29, с. 3, рис. 6; 41, с. 5–6, рис. 2].

Бронзовые удила, изготовленные из бронзового прута с загнутыми в петлю концами встречаются как в Южном Приуралье, так и в Восточной Европе. Для уздечных наборов этих регионов в основном характерны железные удила с петельчатыми окончаниями. Рассматриваемые удила отличаются глыбистостью, имеющие в сечении прямоугольную форму, и относятся к категории строгих удили (4 вариант II типа по классификации Е.И. Савченко). Время их бытования на территории Поднепровья и Подонья определяется в рамках первой половины V–последней четверти IV вв. до н. э. [42, с. 131, рис. 2]. В настоящий момент в Южном Приуралье известны всего три памятника (Новый Кумак, курган 5, курган у г. Новоорск, Кырык Оба II, курган 5), где были найдены аналогичные изделия, датированные V в. до н. э. [43, с. 5–7, рис. 3, 2; 44, с. 10–14, рис. 1, 2; 45, с. 7, 25, рис. 5]. Еще одно звено, сочленявшееся с железным, было обнаружено в Южном Зауралье в насыпи второго кургана конца VI–начала V вв. до н. э. у села Обручевка [46, с. 53, 65, рис. 4, 2–3].

Круглодонный сосуд, обнаруженный в насыпи кургана, имеет шаровидное тулово и воронковидный венчик (1-й тип I отдела по классификации К.Ф. Смирнова). Керамика этого типа наибольшее распространение получила в IV в. до н. э. Их наиболее ранние экземпляры, датируемые концом VI–V вв. до н. э., известны в памятниках северо-восточной части Южного Урала. При

этом ее появление в погребениях кочевников Южного Зауралья связывают с результатами контактов с лесостепными племенами [9, с. 114–115, 119; 41, с. 19; 47]. В последнее время С.Ю. Гуцаловым были выдвинуты предположения об их более ранних периодах проникновения в степи Южного Приуралья. Так, на основании материалов могильников Кудуксай III, Шпаки I, Целинный I и Жолуткен начальное время их бытования были определены серединой – концом V вв. до н. э. [48].

Второй сосуд, представленный только во фрагментах, к сожалению, не восстанавливается. Поверхность керамики покрыта изредка встречающимися в памятниках Южного Приуралья расчесами и пальцевыми защипами [9, с. 122]. Вышесказанное позволяет предположительно датировать комплекс концом VI–V вв. до н. э.

Материалы кургана 6 специфичны и очень интересны в плане выяснения погребального обряда и этнокультурных контактов кочевников бассейна р. Илек. Так, надмогильная каменная конструкция не характерна для кочевников Южного Приуралья. Чаще камень применялся для сооружения крепиды, панциря или же оград. В нашем же случае, над основным погребением был воздвигнут более сложный архитектурный комплекс с лестницей, ведущей в могильную яму. К таким сооружениям, вероятно, можно отнести всем известную каменную конструкцию несколько позднего времени (IV в. до н. э.) кургана 3 у пос. Матвеевский бассейна р. Орь состоявшего из внешней квадратной ограды и внутреннего кольца с входом с юга [49, с. 113–114]. Еще одно интересное и конструктивно близкое нашему сооружение было недавно исследовано на территории Башкирии. Оно также состояло из положенных друг на друга камней, обложенных по периметру вертикально поставленными плитами. В отличие от вышеуказанных, это сооружение, возможно, представляло собой семейный склеп, функционировавший в течений второй половины IV–первой половины II вв. до н. э. [50, с. 118–126, рис. 1, А–Б].

В 1980–1990-е годы, с началом изучения археологических памятников Устюрта, были исследованы культовые комплексы IV–II вв. до н. э. Байте III, Терен и Карамунке, где были обнаружены близкие по строению конструкции из крупных каменных блоков, внутрь которых вели узкие проходы [51; 52, с. 70; 53, с. 148–154]. Благодаря активным раскопкам в последнее время памятников культурного наследия был значительно расширен круг таких источников, причем время строительства некоторых из них (Тасастау 1, 2) относится примерно к концу VI–V вв. до н. э. [54, с. 25–37]. На наш взгляд, все перечисленные комплексы объединяет схожесть наземных конструкций и, главным образом, идея «юга». Она в Южном Приуралье также выражается: во-первых, в наличии на погребенной почве глиняных валов, имеющих перемышку с южной стороны; во-вторых, в дромосных могильных ямах с примыкающими, обычно, с юга входами; в-третьих, в расположении скелетов лошадей и кладов металлических изделий, как правило, располагавшихся к югу от могильной ямы и т. д. Видимо, различие между сложными архитектурными комплексами Устюрта как Кызылуйк, Байте с одной стороны и деревянными и глиняными (саманными) конструкциями Южного Приуралья с другой проявляется в доступности тех или иных строительных материалов и в навыках их применения.

Другая черта погребального обряда (отмеченная в шестом кургане) это наличие в курганах единовременных погребений в различных могильных ямах. Впервые на этот факт обратил внимание К.Ф. Смирнов, указавший при раскопках могильников бассейнов рек Илек и Орь на короткий промежуток времени в процессе совершения захоронений в основных и боковых могильных ямах [10, с. 22–23, 28, 90–91; 43, с. 42]. Более детально к этому вопросу подошел Б.Ф. Железчиков, отметивший, что в курганах IV–III вв. до н. э. увеличивается доля одновременных погребений, но, к сожалению, не приводятся количественные данные и названия памятников савроматского времени [55, с. 28–29]. Под шестым курганом было выявлено два единовременных погребения. Это основное погребение 4 и погребение 3 западная половина ямы, которой оказалась под каменной конструкцией. Возможно, с этими двумя погребениями синхронно и погребение 1 совершенное в насыпи кургана. Известен еще один памятник конца VI–V вв. до н. э., где фиксируется аналогичная ситуация. Так, под курганом 18 могильника Кырык-Оба II наряду с основным было выявлено четыре боковых погребения. Из них могильные выкиды двух погребений размещались над валом, могила еще одного погребения располагалась под глиняным валом [12, с. 55–61]. Еще в одном кургане (1) могильника Сынтас погребения воинов (1 и 3) располагались на уровне древнего

горизонта, причем оба головой лежали в южную сторону [56, с. 142–143, рис. 1]. Примечательно, что ни одно погребение не нарушает центральные могилы. Все это позволяет нам предположить, что такой признак как круговая планировка погребений под одной насыпью, характеризующая и выделяющая погребальный обряд населения IV–II вв. до н. э. имеет более древние корни. В контексте выше сказанного следует отметить и ориентировку погребенных, большинство которых головой лежали в южную сторону. Традиция размещения покойников головой на юг в Южном Приуралье встречается уже с конца VI–V вв. до н. э., как правило, в крупных курганах, воздвигнутых для социально значимых индивидов кочевого общества, сопровождавшихся богатым инвентарем воинско-жреческого облика [11, с. 96; 57, с. 143]. Размеры всех трех могил довольно большие, что также присуще для погребений этого времени.

Датировка погребений хорошо определяется и по вещевому материалу. Определение датировки погребений начнем с основного погребения 4.

Бронзовые наконечники по классификации К.Ф. Смирнова относятся к VI, XII типам втульчатых трехлопастных и к III, V типам втульчатых трехгранных, время распространения которых падает на конец VII–IV вв. до н. э. Детальное рассмотрение наконечников стрел, позволяет уточнить дату погребения. Так, для большинства наконечников характерны крупные размеры, причем среди трехгранных V типа встречены экземпляры, применявшиеся в конце VII–V вв. до н. э. [20, с. 52–53, табл. 2–4]. Костяная ложка, лежавшая вместе с наконечниками стрел, отличается хорошей обработкой, головка довольно резко отделяется от неорнаментированной ручки. Подобные экземпляры бытовали в конце VI–V вв. до н. э. [11, с. 38, табл. 18].

Железный меч с несохранившимся, к сожалению, навершием имеет близкое к узкому бабочковидное перекрестие. Мечи с подобными перекрестиями в паноплии южноуральских кочевников встречаются в основном в конце VI–V вв. до н. э. К тому же к концу V в. до н. э. перекрестия мечей становятся узкими бабочковидными [11, с. 27–28, 73–74; 20, с. 10–17], что дает нам основание определить верхний рубеж памятника этим временем. Крючок, найденный на лезвии меча близок к крючкам V типа (по С.Ю. Гуцалову), изготавливавшихся из железного прута, верхняя часть которого расширяется. Использовались находки этого типа в конце VI – V вв. до н. э. [11, с. 32, табл. 17] или же с конца VI вплоть до III–II вв. до н. э. [58, с. 266, рис. 1, 1–7].

Несколько своеобразны изображения на бронзовых изделиях конской упряжи. По композиции бронзовые бляшки имеют некоторую схожесть с изображением на бляшке-столбике для перекрестных ремней с кургана 19 могильника Новый Кумак конца VI в. до н. э. [43, с. 26, рис. 10, 6, 12, 3; 59, с. 80–81, рис. 3, 32]. Наиболее близкая копия нам известна на территории Тывы [60, с. 290, рис. 1, 13]. Другая бляха с изображением стоящего с повернутой назад головой животного по манере передачи близка уздечной бляшке с Сусловского кургана 43 и хищнику, изображенному на роговой пластине с кургана 4 могильника Пятимары I. Оба памятника датируются V в. до н. э. [20, с. 94, рис. 51, 6; 1964, рис. 33]. Не противоречат датировке погребения в пределах конца VI–V вв. до н. э. и остальные находки (сосуды, бусы), встреченные в засыпи и, по всей вероятности, представлявшие собой погребальные дары.

Погребение 3, как уже было отмечено, единовременно основному. Сопровождающий инвентарь больше характерен для женских погребений, но определение пола погребенного по сопровождающему инвентарю не всегда возможен, что подтверждается данными Филипповских курганов [61, с. 127–128]. Интересна находка бронзового наконечника стрелы положенного у ног мужского скелета. В литературе уже отмечались факты нахождения единичных находок бронзовых наконечников стрел, но в памятниках II–I вв. до н. э. применявшихся не по прямому назначению [62, с. 143–144; 63, с. 88]. С другой стороны наконечник, возможно, мог служить в качестве имитации колчанного набора.

Керамические сосуды представлены различными типами. Преобладают формы с округлым дном и шаровидным туловом. Их объединяет и орнамент в виде зигзагов-треугольников (елочки), присутствовавший также на курильнице и на сосуде с носиком-сливом. Последняя разновидность керамической посуды (отдел VI по К.Ф. Смирнову) известна по многим памятникам VI – IV вв. до н. э. [9, с. 113–114, рис. 66, 1–8; 64, с. 166–167, рис. 2, 10]. Аналоги гончарной керамике нам не известны, но отдельные находки станковой посуды появляются в конце VI–V вв. до н. э. [11, с. 37].

Хронологическим индикатором данного погребения выступают и бронзовые зеркала, для которых характерны плоские диски и отогнутые закраины. Оба зеркала имели ручки, прикрепляющиеся с помощью заклепок. Подобные изделия в степях Южного Приуралья бытовали со второй половины V – рубежа V–IV вв. до н. э. [11, с. 39–40, 74–75, табл. 26]. Все вышесказанное позволяет нам датировать погребения 3–4 второй половиной – концом V в. до н. э.

Погребение 1 было совершено на слое настила и потревожено. Бронзовые наконечники стрел, сопровождавшие погребенного, практически не отличаются от наконечников погребения 4. Среди них также встречены редкие в Южном Приуралье бронзовые трехлопастные наконечники стрел с крышевидной (башневидной) головкой и выступающей втулкой (VII тип по К.Ф. Смирнову), применявшиеся в колчаных наборах по К.Ф. Смирнову в конце VI – начале V вв. до н. э. [20, с. 48, табл. 3] и по С.Ю. Гуцалову в конце VI–начале IV вв. до н. э. [11, с. 21, табл. 12]. Сочетание трехлопастных наконечников стрел VI, VII и XII типов, причем с массивными боевыми головками позволяет нам определить время их использования концом VI–V вв. до н. э. [11, с. 73].

Каменный оселок не может служить достоверным хроноиндикатором. Наиболее близки нашему оселку с кургана 2 могильника Тара-Бутак (V в. до н. э.), с кургана 8 могильника Пятимары I (рубеж VI – V в. до н. э.), с кургана 5 могильника Новый Кумак (V в. до н. э.) [9, рис. 19, 1ж, 26, 3д; 43, рис. 4, 4].

Погребение 2 по устройству напоминает камерный тип могильных ям. Его характеризуют большая входная яма округлой формы, уступ и обширная камера-подбой, продланная с юго-восточной стороны. По классификации подобные могилы (входная яма круглая или квадратная и примыкает к длинной стенке камеры) относятся к VIII типу по классификации В.С. Ольховского [65, с. 27–28, табл. II]. В Южном Приуралье нам известно всего две катакомбы (могильник Кырык-Оба II курган 2, погребения 4–5) датирующиеся примерно серединой–концом V–началом IV вв. до н. э. [66, с. 47–50, рис. 1, 3–4]. Все три катакомбы объединяет то, что они сопровождали погребения с наземными конструкциями, их камеры устраивались со стороны центрального погребения, кости ориентированы головой на юг. Типологически они очень близки катакомбам I варианта I типа (часто именуются подбойными) и, скорее всего, являются производными от них.

Самой многочисленной категорией находок является керамика. Для определения хронологии погребения показательны наличие большого сосуда с массивным плоским дном и относящегося к II отделу, датируемого V в. до н. э. [9, с. 114, рис. 61, 15–16]. Необычен орнамент сосуда (нанесен также на круглодонном сосуде западного костяка погребения 3), представляющий собой знакисимволы характерные для савроматского периода [9, с. 123–126; 67, с. 10]. Круглодонный сосуд с сосцевидными налепами по форме и орнаменту близок к керамике погребения 3 и кургана 7. Бронзовое зеркало с плоским диском и длинной ручкой имеет большой хронологический диапазон использования в основном это период конца VI–IV вв. до н. э. [11, с. 39–40]. Интересна находка кремневого наконечника стрелы находившегося вместе с железным ножом, пряслищем и каменным изделием. По всей видимости, наконечник использовался в каких-то ритуальных целях.

Несколько труднее датировать погребение кургана 9. Поза погребенного с согнутыми ромбом ногами встречается в савроматский и в более поздние сарматские эпохи [9, с. 92; 68, с. 22]. Как отмечают многие исследователи, бусы не могут служить надежным датирующим материалом. Обращает на себя внимание небольшое количество бус (всего 6 шт.), что лишь косвенно может определить верхнюю границу IV–III вв. до н. э., так как в погребениях этого времени происходит резкое увеличение их числа [68, с. 45]. Как было уже выше сказано круглодонная керамика встречается в середине – конце V вв. до н. э. По орнаменту сосуд с погребения близок керамике кургана 2 у с. Варна конца VI–V вв. до н. э. [9, рис. 67, 9], погребения 3 кургана 6 третьей Аландской группы V в. до н. э. [31, с. 64–66, рис. 8, 5], погребения 2 кургана у с. Наваринка V в. до н. э. [69, с. 151, 152, рис. 6, 8], особенно погребения 1 кургана 1 могильника Сынтас конца VI–V вв. до н. э. [56, с. 143, рис. 11, 4]. Интересным является сходство орнамента с некоторыми узорами жертвенников ранних кочевников Южного Приуралья. Датируется погребение предположительно в рамках середины V–IV вв. до н. э.

К следующей хронологической группе относится курган 5 с каменными кольцами и подбойным погребением. Размеры входной ямы и подбоя большие, что характерно в основном для камерных погребений савроматского периода. Забутовки входной ямы также встречается с конца VI–

V вв. до н. э., больше всего их отмечено в могильнике Мечетсай и Пятимары I. Интересна находка примитивной каменной стелы во входной яме. На территории Южного Приуралья самый ранний экземпляр происходит с погребения 3 кургана 2 могильника Мечетсай датированный К.Ф. Смирновым концом VI–началом V вв. до н. э. [9, с. 171, рис. 20, 6–7]. Еще две примитивные стелы были обнаружены в погребении 18 кургана 23 могильника Покровка 2 [70, с. 58, рис. 100, 1–2]. Погребение по сопровождающему инвентарю было датировано IV в. до н. э. [71, с. 231–232]. Примечательно, что во всех трех случаях изваяния были обнаружены во входных ямах.

Дата погребения хорошо определяется по предметам вооружения. Так наиболее ранние образцы мечей с серповидным навершием и брусковидным перекрестием появляются еще в IV в. до н. э., основная масса использовалась в III–II вв. до н. э. [11, с. 28–29; 20, с. 27; 68, с. 34; 72, с. 144; 73, с. 172; 74, с. 29]. Среди наконечников стрел встречены два экземпляра с трехгранной непрофилированной боевой головкой и выступающей втулкой соотносимые с I типом по классификации К.Ф. Смирнова. Аналогичные изделия бытовали до середины IV в. до н. э. [9, с. 51, табл. 4]. Для остальных наконечников характерны более стройные формы, что связано с их эволюцией в IV–III вв. до н. э. [68, с. 31].

Курган 4 судя по погребальному обряду и инвентарю погребений, относится к прохоровской археологической культуре и датируется в рамках III–I вв. до н. э. Все погребения располагались вокруг основного, не нарушая друг друга, что дает возможность предположить единовременность или небольшой отрезок между совершением захоронений. Интересной является каменная конструкция кургана с входом-коридором устроенной с северной стороны, чем и отличается от выше рассмотренных сооружений Южного Приуралья и Устюрта. Вещевой комплекс погребения 1 достаточно выразителен и в основном представлен находками воинской амуниции. Как было отмечено, железный кинжал с серповидным навершием и тонким брусковидным перекрестием был широко распространен в степях Южного Приуралья в IV–II вв. до н. э. О верхней границе погребения можно судить по длинному мечу с кольцевым навершием и брусковидным перекрестием. Мечи этого типа также довольно часто встречаются в сарматских памятниках, и функционировали длительное время, начиная с III в. до н. э. до среднесарматского периода включительно [11, 2004, с. 30; 29, с. 147; 68, с. 34–35; 72, с. 144–146; 73, с. 173]. А по другому мнению с рубежа IV–III вв. до н. э., либо с III в. до н. э. [74, с. 30–31]. Совместная находка мечей обоих типов в погребениях прохоровской культуры позволяет уточнить время захоронения III–II или II в. до н. э. [75, с. 174], либо II–I вв. до н. э. [76, с. 23].

Железные черешковые наконечники стрел с треугольной боевой головкой и лопастями, срезаемыми под острым углом к черешку, появляются в степях Южного Приуралья в III – II вв. до н.э. [77, с. 37–38; 78, с. 92]. Возможно, базы некоторых наконечников имели дуговидный срез основания. Обращает на себя внимание отсутствие в погребении бронзовых наконечников стрел, полная смена которых железными приходится на II в. до н. э. [20, с. 70; 77, с. 35–36].

К предметам вооружения также относится железный колчаный крючок из круглого в сечении прута со щитком, расположенным в одной плоскости с изгибом. Изделия близкие по форме на территории Южного Приуралья получают распространение с конца VI – первой половины V вв. до н. э. и функционируют до III – II вв. до н. э. [58, с. 267, рис. 5, 1–4, табл. 1].

Для определения хронологической позиции показателен и керамический материал, датирующий IV–II вв. до н. э. Все три сосуда по форме и орнаментации характерны для прохоровского этапа культуры ранних кочевников Южного Приуралья [10, с. 171; 47, с. 20, 22–23].

Оба зеркала, происходящие из погребений, объединяет типичный для IV–II вв. до н. э. элемент – валик по краю диска. Зеркало погребения 1 имеет боковую ручку-штырь и относится к IV типу по классификации А.М. Хазанова получившему распространение с III–II вв. до н. э. [79, с. 62]. Второе зеркало из погребения 3, к сожалению, было разбито, что не позволяет более точно судить о его форме. Вероятно, оно имело прямоугольную ручку и относится к зеркалам III типа, большинство которых встречаются в погребениях в III–II вв. до н. э. [79, с. 62]. Остальной погребальный инвентарь (бусы, деревянные блюда) относится к тому же периоду, что и вышерассмотренные. Обращает на себя количество бус (130 штук), увеличение числа которых приходится на III–II вв. до н.э. Среди них преобладают дисковидные и цилиндрические гешировые бусы. Второй по количеству являются стеклянные бусы покрытые глазурью [68, с. 45].

Судя по погребальному инвентарю, составу заупокойной пищи, таким характерным деталям обряда как – использование деревянных носилок, южная ориентировка умерших, погребения кургана 4 могильника Сапибулак можно отнести к III–II вв. до н. э. [10, с. 162; 80, с. 106; 81, с. 156].

Выводы. Таким образом, в результате исследования могильника Сапибулак – памятника верховьев р. Илек, были получены интересные материалы по погребальному обряду и материальной культуре ранних кочевников Южного Приуралья. Некоторые элементы погребального обряда, особенно каменные надмогильные конструкции своеобразны и редки для памятников Южного Приуралья и еще раз убеждают нас в перспективности изучения бассейна р. Илек. Стоит отметить, что этот могильник расположен южнее большинства памятников изученных к настоящему времени на территории Южного Приуралья. На сегодня большая часть Актюбинской области не исследована и представляет собой белое пятно. К сожалению, ранее исследованные памятники по берегам рек Эмба/Жем и Илек, представившие очень интересные материалы от савроматского до позднесарматского и средневекового периода, так и остались не опубликованными (имеются в виду материалы археологических раскопок, полученных под руководством М.К. Кадырбаева и Ж.Е. Смаилова, на могильниках Нагорненский, Каратобе I, II, Мортук I, V и др.).

При анализе материалов могильника Сапибулак обращает на себя внимание разнообразие погребального обряда и сопровождающего инвентаря, что объясняется, прежде всего, разновременностью комплексов, особенностями формирования культуры населения на основе разных этнических компонентов и разновекторными связями кочевников Южного Приуралья. В первую очередь в большинстве своем могильные конструкции и предметы материальной культуры имеют сходство с материалами могильников Южного Приуралья и Южного Зауралья. Следует подчеркнуть и наличие культурных и антропологических параллелей южно-уральских номадов с населением отдаленных регионов, особенно с территорией Устюрта, что, по всей видимости, связано с системой хозяйствования номадов Волго-Уралья и Западного Казахстана.

С другой стороны, нетрудно заметить, что рассматриваемым погребальным объектам присущи общие черты. Это позволяет нам говорить о преемственности в развитии культуры населения Южного Приуралья с конца VI по II вв. до н. э. Об этом можно судить (на основе материалов могильника Сапибулак) по таким признакам погребального обряда, как активное использование камня (надмогильные ограды), круговая планировка могил, подбойные и катакомбные погребения, ориентировка погребенных головой в южную сторону и т. д.

Примечания:

¹Выражаем глубокую благодарность за возможность публикации материалов.

²В составе экспедиции работали сотрудники Актюбинского областного центра истории, этнографии и археологии (г. Актобе), Института археологии им. А. Х. Маргулана (г. Алматы) и Германского археологического института (DAI, г. Берлин).

³Выражаем искреннюю благодарность П. И. Шульге за ценные консультации, полученные при написании данной работы.

ЛИТЕРАТУРА

[1] Балабанова М.А., Перерва Е.В. Идентификация типов оружия по боевым травмам у сарматов // Вооружение сарматов: региональная типология и хронология: докл. к VI междунар. конф. «Проблемы сарматской археологии и истории». Челябинск: Изд-во ЮУрГУ, 2007. С. 173–181.

[2] Батиева Е.Ф. Травматические повреждения костей скелета у населения Нижнего Подонья в сарматское время // Антропология на пороге III тысячелетия: матер. конф. М.: «Старый сад», 2004. Т. 1. С. 250–267.

[3] Китов Е.П. Предварительное сообщение о новых антропологических материалах савроматского времени с территории Челябинской области // Кадырбаевские чтения-2007: матер. междунар. научн. конф. Актобе: «ПринтА», 2007. С. 233–237.

[4] Нечвалода А.И. Новые краниологические материалы эпохи железа степного Приуралья из Яковлевского курганного могильника // Вестник антропологии. Научный альманах. М., 2002. Вып. 9. С. 55–81.

[5] Ефимова С.Г. «Савроматы» и ранние сарматы по антропологическим материалам из Лебедевского курганного комплекса. Б.Ф. Железчиков, В.М. Клепиков, И.В. Сергацков Древности Лебедевки (VI–II вв. до н. э.). М.: «Восточная литература», 2006. С. 133–148.

[6] Хохлов А.А., Фризен С.Ю. Новые краниологические материалы Южного Урала савроматского времени // Вопросы археологии Урала и Поволжья. Самара, 2004. С. 257–266.

[7] Балабанова М.А. Антропология древнего населения Южного Приуралья и Нижнего Поволжья. Ранний железный век. М.: Наука, 2000. 133 с.

- [8] Багдасарова Н.А. Кочевники Юго-Западного Приаралья в I тыс. до н. э.–I тыс. н. э. (по антропологическим данным): автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1993. 19 с.
- [9] Смирнов К.Ф. Савроматы. Ранняя история и культура сарматов. М.: Наука, 1964. 380 с.
- [10] Смирнов К.Ф. Сарматы на Илеке. М.: Наука, 1975. 176 с.
- [11] Гуцалов С.Ю. Древние кочевники Южного Приуралья. Уральск, 2004. 136 с.
- [12] Гуцалов С.Ю. Погребальные сооружения могильника Кырык-Оба II в Западном Казахстане // РА. 2010. №2. С. 51–66.
- [13] Гуцалов С.Ю. Этнокультурная специфика могильника Кырык-Оба II // РА. 2011. №1. С. 81–96.
- [14] Смаилов Ж.Е., Сейткалиев М.К. Археологические исследования на н. Кырык Оба II в 2008 г. // Археологиялык зерттеулер жайлы есеп. Алматы, 2009. С. 178–181.
- [15] Байпаков К.М., Сейткалиев М.К. Археологические исследования на могильнике Кырык Оба II в 2010 году // Маргулановские чтения – 2011: матер. междунар. археол. конф. Астана: ЕНУ им. Л.Н. Гумилева, 2011. С. 198–199.
- [16] Гуцалов С.Ю. Погребальные памятники кочевой элиты Южного Приуралья середины I тыс. до н. э. // Археология, этнография и антропология Евразии. 2007. №2 (30). С. 75–92.
- [17] Мошкова М.Г. Ново-Кумакский курганный могильник близ г. Орск // Материалы и исследования по археологии СССР. 1962. №115. С. 204–236.
- [18] Очир-Горяева М.А. Погребальный обряд населения Нижнего Поволжья и Южного Приуралья VI–IV вв. до н. э. // Археологические исследования Калмыкии. Элиста, 1987. С. 35–53.
- [19] Мышкин В.Н. Воинский инвентарь в «савроматских» погребениях Самаро-Уральского региона // Материалы по археологии Волго-Донских степей. Волгоград, 2001. Вып. 1. С. 142–160.
- [20] Смирнов К.Ф. Вооружение савроматов. Материалы и исследования по археологии СССР. 1961. №101. 162 с.
- [21] Васильев В.Н., Федоров В.К. Разведочные раскопки в северо-восточном Оренбуржье // Башкирский край. Уфа, 1994. Вып. 5. С. 154–166.
- [22] Гуцалов С.Ю. Новые памятники древних кочевников на территории Уральского левобережья // Вопросы истории и археологии Западного Казахстана. Уральск, 2002. Вып. 1. С. 93–107.
- [23] Смирнов К.Ф., Попов С.А. Савромато-сарматские курганы у с. Липовка Оренбургской области // Памятники Южного Приуралья и Западной Сибири сарматского времени. М., 1972. С. 3–26.
- [24] Яблонский Л.Т., Рукавишников И.В. Вооружение раннесарматского воина (по материалам Филипповского-1 могильника) // Вооружение сарматов: региональная типология и хронология: докл. к VI междунар. конф. «Проблемы сарматской археологии и истории». Челябинск, 2007. С. 16–23.
- [25] Ольховский В.С., Евдокимов Г.Л. Скифские изваяния VII–III вв. до н. э. М., 1994. 188 с.
- [26] Ольховский В.С. Монументальная скульптура населения западной части евразийских степей эпохи раннего железа. М.: Наука, 2005. 299 с.
- [27] Кубарев В.Д., Шульга П.И. Пазырыкская культура (курганы Чуи и Урсула). Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2007. 282 с.
- [28] Шульга П.И. Снаряжение верховой лошади и воинские пояса на Алтае. Барнаул: Азбука, 2008. Ч. I: Раннескифское время. 276 с.
- [29] Таиров А.Д. Периодизация памятников ранних кочевников Южного Зауралья VII–II вв. до н. э. // Сарматские культуры Евразии: проблемы региональной хронологии. Краснодар, 2004. С. 3–21.
- [30] Королькова Е.Ф. Звериный стиль Евразии. Искусство племен Нижнего Поволжья и Южного Приуралья в скифскую эпоху (VII–IV вв. до н. э.). Проблемы стиля и этнокультурной принадлежности. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2006. 272 с.
- [31] Мошкова М.Г. Савроматские памятники северо-восточного Оренбуржья // Памятники Южного Приуралья и Западной Сибири сарматского времени. М., 1972. С. 49–78.
- [32] Кадырбаев М.К., Курманкулов Ж. Материалы раскопок могильника Бесоба // Археологические исследования в Отраре. Алма-Ата, 1977. С. 103–115.
- [33] Федоров В.К. Савромато-сарматские костяные ложечки: к вопросу об индоарийских корнях некоторых явлений савромато-сарматской культуры // Башкирский край. Уфа, 1992. Вып. 2. С. 80–113.
- [34] Федоров В.К. Растительные галлюциногены в ритуальной практике ранних кочевников Евразии и культ Сомы/Хаомы: обзор источников // Вопросы археологии Западного Казахстана. Актобе, 2005. Вып. 2. С. 100–110.
- [35] Васильев В.Н. К вопросу о сарматских каменных жертвенниках кочевников Южного Урала // Уфимский археологический вестник. 1998. Вып. 1. С. 25–43.
- [36] Таиров А.Д. Кочевники Урало-Иртышского междуречья в системе культур раннесакского времени восточной части степной Евразии // Степная цивилизация Восточной Евразии. Астана, 2003. Т. 1. С. 157–179.
- [37] Таиров А.Д. Кочевники Урало-Казахстанских степей в VII–VI вв. до н. э. Челябинск: Изд-во ЮУрГУ, 2007. 274 с.
- [38] Гуцалов С.Ю. Ярусные погребения Южного Приуралья // Уфимский археологический вестник. 2004. Вып. 5. С. 135–152.
- [39] Боковенко Н.А. Ранние формы скифо-сибирской узды // Тез. докл. Всесоюз. археол. конф. Кемерово, 1979. С. 67–70.
- [40] Зуев В.Ю., Исмагилов Р.Б. Курганы у дер. Гумарово в Южном Приуралье // Археологические памятники Оренбуржья. Оренбург, 1999. Вып. 3. С. 105–112.
- [41] Таиров А.Д. Погребальный обряд ранних кочевников Южного Зауралья // Раннесарматская культура: формирование, развитие, хронология. Самара, 2000. Вып. 2. С. 16–28.

- [42] Савченко Е.И. Удила Среднего Дона в скифское время // Археологические памятники Восточной Европы: межвузовский сб. научн. тр. Воронеж, 2006. Вып. 12. С. 126–132.
- [43] Смирнов К.Ф. Орские курганы ранних кочевников // Исследования по археологии Южного Урала. Уфа, 1977. С. 3–51.
- [44] Смирнов К.Ф. Раннесарматский курган под Новоорском Оренбургской обл. // Древности Евразии в скифо-сарматское время. М., 1984. С. 10–14.
- [45] Смаилов Ж.Е., Сейткалиев М.К. Исследование некрополя Кырк-Оба II в 2008 г. Отчёт о раскопках. Алматы, 2009 // Рукописный архив Института археологии им. А.Х. Маргулана
- [46] Гаврилюк А.Г., Таиров А.Д. Курганы у села Обручевка в Южном Зауралье // Кочевники урало-казахстанских степей. Екатеринбург, 1993. С. 53–67.
- [47] Мошкова М.Г. Происхождение раннесарматской (прохоровской) культуры. М., 1974. 52 с.
- [48] Гуцалов С.Ю. Зауральская керамика в погребениях кочевников Южного Приуралья // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. Челябинск, 2005. С. 84–98.
- [49] Граков Б.Н. Пережитки матриархата у сарматов // ВДИ. 1947. №3. С. 100–121.
- [50] Исмагил Р., Сунгатов Ф.А. Тулубай. Савромато-сарматский склеп в Зауралье // Уфимский археологический вестник. 2009. Вып. 9. С. 118–126.
- [51] Ольховский В.С. Отчет о работе Устьюртского отряда Западно-Казахстанской экспедиции Института археологии МН-АН РК в 1996 году. Алматы, 1997 // Рукописный архив Института археологии им. А.Х. Маргулана
- [52] Ольховский В.С. Древние святилища Устьюрта: контакты и конфликт культур // Наука в России. 1997. №4. С. 67–75.
- [53] Ольховский В.С., Галкин Л.Л. К изучению памятников Северо-Восточного Прикаспия эпохи раннего железа // Российская археология. 1997. №4. С. 141–155.
- [54] Самашев З., Онгар А., Оралбай Е., Киясбек Г. Храм-святилище – Кызылуйк. Астана: Издательская группа ТОО «Археология», 2011. 200 с.
- [55] Железчиков Б.Ф. Ранние кочевники Южного Приуралья и Нижнего Поволжья в VI–II вв. до н. э.: научн. докл., представленный в качестве дис. ... докт. ист. наук. М., 1997. 56 с.
- [56] Кадырбаев М.К., Курманкулов Ж.К. Захоронения воинов савроматского времени на левобережье р. Илек // Прошлое Казахстана по археологическим источникам. Алма-Ата, 1976. С. 137–156.
- [57] Таиров А.Д., Гаврилюк А.Г. К вопросу о формировании раннесарматской (прохоровской) культуры // Проблемы археологии Урало-Казахстанских степей. Челябинск, 1988. С. 141–159.
- [58] Мышкин В.Н. Колчанные крючки кочевников Самаро-Уральского региона VII–I вв. до н. э. // Археология и палеоантропология евразийских степей и сопредельных территорий. М., 2010. С. 262–279.
- [59] Смирнов К.Ф. Савромато-сарматский звериный стиль // Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии. М., 1976. С. 74–89.
- [60] Рукавишникова И.В. Возможности изучения композиции звериного стиля раннего железного века как археологического источника на примере звериного стиля Саяно-Алтая // Археологический альманах. Изобразительное искусство в археологическом наследии. Донецк, 2010. №21. С. 287–319.
- [61] Яблонский Л.Т. Палеодемография могильника Филипповка I (по раскопкам Приуральской экспедиции) // Естественно-научные методы в изучении Филипповского I могильника. М.: Таус, 2011. С. 126–131.
- [62] Скрипкин А.С. К проблеме выделения сарматских памятников Азиатской Сарматии II–I вв. до н. э. // Раннесарматская культура: формирование, развитие, хронология: матер. IV междунар. конф. «Проблемы сарматской археологии и истории». Самара, 2000. Вып. 1. С. 137–149.
- [63] Клепиков В.М. К вопросу о проблемах хронологии раннесарматской культуры // Раннесарматская культура: формирование, развитие, хронология: матер. IV междунар. конф. «Проблемы сарматской археологии и истории». Самара, 2000. Вып. 2. С. 87–94.
- [64] Таиров А.Д., Боталов С.Г. Могильник Карсакбас // Вопросы археологии Западного Казахстана. Самара, 1996. Вып. 1. С. 164–175.
- [65] Ольховский В.С. Погребально-поминальная обрядность населения степей Скифии (VIII–III вв. до н. э.). М., 1991. 256 с.
- [66] Сейткалиев М.К. Раннепрохоровские впускные погребения в курганах некрополя Кырк-Оба II // Известия НАН РК. Сер. обществ. наук. 2010. №1. С. 46–56.
- [67] Краева Л.А. Гончарство ранних кочевников Южного Приуралья в VI–I вв. до н. э.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2008. 24 с.
- [68] Мошкова М.Г. Памятники раннесарматской (прохоровской) культуры. Свод археологических источников. 1963. Вып. Д1-10. 56 с.
- [69] Гуцалов С.Ю., Боталов С.Ю. Курганы прохоровской культуры в районе г. Магнитогорска // Уфимский археологический вестник. 2001. Вып. 3. С. 148–156.
- [70] Яблонский Л.Т., Трунаева Т.Н., Ведер Дж., Дэвис-Кимболл Дж., Егоров В.Л. Раскопки курганных могильников Покровка 1 и Покровка 2 в 1993 году // Курганы левобережного Илека. М.: Институт археологии РАН, 1994. Вып. 2. 178 с.
- [71] Гуцалов С.Ю., Таиров А.Д. Стелы и антропоморфные изваяния раннего железного века южноуральских степей // Археология, палеоэкология и палеодемография Евразии. М., 2000. С. 226–251.
- [72] Таиров А.Д., Ульянов И.В. Случайные находки оружия ближнего боя из коллекции лаборатории археологических исследований Челябинского университета // Материалы по археологии и этнографии Южного Урала. Тр. музея-заповедника Аркаим. Челябинск, 1996. С. 139–147.

- [73] Васильев В.Н. К хронологии раннепрохоровского клинкового оружия и «проблеме» III в. до н. э. // Материалы по археологии Волго-Донских степей. Волгоград, 2001. Вып. 1. С. 169–179.
- [74] Клепиков В.М. Сарматы Нижнего Поволжья в IV–III вв. до н.э. Волгоград: Издательство Волгоградского государственного университета, 2002. 216 с.
- [75] Хазанов А.М. Сарматские мечи с кольцевым навершием // Советская археология. 1967. №2. С. 169–180.
- [76] Скрипкин А.С. Азиатская Сарматия. Проблемы хронологии, периодизации и этнополитической истории: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1992. 46 с.
- [77] Хазанов А.М. Очерки военного дела сарматов. М.: Наука, 1971. 171 с.
- [78] Хазанов А.М. Очерки военного дела сарматов. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2008. Изд. 2. 294 с.
- [79] Хазанов А.М. Генезис сарматских бронзовых зеркал // Советская археология. 1963. №4. С. 58–71.
- [80] Пшеничнюк А.Х. Культура ранних кочевников Южного Урала. М.: Наука, 1983. 200 с.
- [81] Бисембаев А.А., Гуцалов С.Ю. Новые памятники древних и средневековых кочевников казахстанского Приуралья // Уфимский археологический вестник. 1998. Вып. 1. С. 152–161.

REFERENCES

- [1] Balabanova M.A., Pererva E.V. Identifikatsiya tipov oruzhiya po boevym travmam u sarmatov, Vooruzhenie sarmatov: regionalnaya tipologiya i hronologiya: dokl. k VI mezhdunar. konf. «Problemyi sarmatskoy arheologii i istorii». Chelyabinsk: Izd-vo YuUrGU, 2007. S. 173–181.
- [2] Batieva E.F. Travmaticheskie povrezhdeniya kostey skeleta u naseleniya Nizhnego Podonya v sarmatskoe vremya, Antropologiya na poroge III tyisyacheletiya: mater. konf. M.: «Staryiy sad», 2004. T. 1. S. 250–267.
- [3] Kitov E.P. Predvaritelnoe soobshchenie o novyih antropologicheskikh materialakh savromatskogo vremeni s territorii Chelyabinskoy oblasti, Kadyrbaevskie chteniya-2007: mater. mezhdunar. nauchn. konf. Aktobe: «PrintA», 2007. S. 233–237.
- [4] Nechvaloda A.I. Novyye kraniologicheskie materialy i epohi zheleza stepnogo Priuralya iz Yakovlevskogo kurgannogo mogilnika, Vestnik antropologii. Nauchnyy almanah. M., 2002. Vol. 9. S. 55–81.
- [5] Efimova S.G. «Savromaty» i rannye sarmaty po antropologicheskim materialam iz Lebedevskogo kurgannogo kompleksa. B.F. Zhelezchikov, V.M. Klepikov, I.V. Sergatskov Drevnosti Lebedevki (VI–II vv. do n. e.). M.: «Vostochnaya literatura», 2006. S. 133–148.
- [6] Hohlov A.A., Frizen S.Yu. Novyye kraniologicheskie materialy Yuzhnogo Urala savromatskogo vremeni, Voprosy arheologii Urala i Povolzhya. Samara, 2004. S. 257–266.
- [7] Balabanova M.A. Antropologiya drevnego naseleniya Yuzhnogo Priuralya i Nizhnego Povolzhya. Ranniy zheleznyiy vek. M.: Nauka, 2000. 133 s.
- [8] Bagdasarova N.A. Kochevniki Yugo-Zapadnogo Priuralya v I tyis. do n. e.–I tyis. n. e. (po antropologicheskim dannym): avtoref. dis. ... kand. ist. nauk. M., 1993. 19 s.
- [9] Smimov K.F. Savromaty. Rannaya istoriya i kultura sarmatov. M.: Nauka, 1964. 380 s.
- [10] Smimov K.F. Sarmaty na Ilike. M.: Nauka, 1975. 176 s.
- [11] Gutsalov S.Yu. Drevnie kochevniki Yuzhnogo Priuralya. Uralsk, 2004. 136 s.
- [12] Gutsalov S.Yu. Pogrebalnyie sooruzheniya mogilnika Kyiryik-Oba II v Zapadnom Kazahstane, Rossiskaya arheologiya. 2010. No.2. S. 51–66.
- [13] Gutsalov S.Yu. Etnokulturnaya spetsifika mogilnika Kyiryik-Oba II, Rossiskaya arheologiya. 2011. No.1. S. 81–96.
- [14] Smailov Zh.E., Seytkaliev M.K. Arheologicheskie issledovaniya na n. Kyiryik Oba II v 2008 g., Arheologiyalyk zhaily esep. Almaty, 2009. S. 178–181.
- [15] Baypakov K.M., Seytkaliev M.K. Arheologicheskie issledovaniya na mogilnike Kyiryik Oba II v 2010 godu, Margulanovskie chteniya – 2011: mater. mezhdunar. arheol. konf. Astana: ENU im. L.N. Gumileva, 2011. S. 198–199.
- [16] Gutsalov S.Yu. Pogrebalnyie pamyatniki kochevoy elity Yuzhnogo Priuralya serediny I tyis. do n. e., Arheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii. 2007. No.2 (30). S. 75–92.
- [17] Moshkova M.G. Novo-Kumakskiy kurgannyiy mogilnik bliz g. Orska, Materialy i issledovaniya po arheologii SSSR. 1962. No.115. S. 204–236.
- [18] Ochir-Goryaeva M.A. Pogrebalnyiy obryad naseleniya Nizhnego Povolzhya i Yuzhnogo Priuralya VI–IV vv. do n. e., Arheologicheskie issledovaniya Kalmykii. Elista, 1987. S. 35–53.
- [19] Myishkin V.N. Voinskiy inventar v «savromatskikh» pogrebeniyah Samaro-Uralskogo regiona, Materialy po arheologii Volgo-Donskikh stepey. Volgograd, 2001. Vol. 1. S. 142–160.
- [20] Smimov K.F. Vooruzhenie savromatov. Materialy i issledovaniya po arheologii SSSR. 1961. No.101. 162 s.
- [21] Vasilev V.N., Fedorov V.K. Razvedochnyye raskopki v severo-vostochnom Orenburzhe, Bashkirskiy kray. Ufa, 1994. Vol. 5. S. 154–166.
- [22] Gutsalov S.Yu. Novyye pamyatniki drevnih kochevnikov na territorii Uralskogo levoberezhya, Voprosy istorii i arheologii Zapadnogo Kazahstana. Uralsk, 2002. Vol. 1. S. 93–107.
- [23] Smimov K.F., Popov S.A. Savromato-sarmatskie kurgany u s. Lipovka Orenburgskoy oblasti, Pamyatniki Yuzhnogo Priuralya i Zapadnoy Sibiri sarmatskogo vremeni. M., 1972. S. 3–26.
- [24] Yablonskiy L.T., Rukavishnikova I.V. Vooruzhenie rannesarmatskogo voyna (po materialam Filippovskogo-1 mogilnika), Vooruzhenie sarmatov: regionalnaya tipologiya i hronologiya: dokl. k VI mezhdunar. konf. «Problemyi sarmatskoy arheologii i istorii». Chelyabinsk, 2007. S. 16–23.
- [25] Olhovskiy V.S., Evdokimov G.L. Skifskie izvayaniya VII–III vv. do n. e. M., 1994. 188 s.
- [26] Olhovskiy V.S. Monumentalnaya skulptura naseleniya zapadnoy chasti evraziyskikh stepey epohi rannego zheleza. M.: Nauka, 2005. 299 s.
- [27] Kubarev V.D., Shulga P.I. Pazyrykская культура (kurgany Chui i Ursula). Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta, 2007. 282 s.

- [28] Shulga P.I. Snaryazhenie verhovoy loshadi i voinskie poyasa na Altae. Barnaul: Azbuka, 2008. Ch. I: Ranneskifskoe vremya. 276 s.
- [29] Tairov A.D. Periodizatsiya pamyatnikov rannih kochevnikov Yuzhnogo Zauralya VII–II vv. do n. e., Sarmatskie kulturyi Evrazii: problemyi regionalnoy hronologii. Krasnodar, 2004. S. 3–21.
- [30] Korolkova E.F. Zverinyiy stil Evrazii. Iskusstvo plemen Nizhnego Povolzhya i Yuzhnogo Priuralya v skifskuyu epohu (VII–IV vv. do n. e.). Problemyi stilya i etnokulturnoy prinaldlezhnosti. SPb.: Peterburgskoe Vostokovedenie, 2006. 272 s.
- [31] Moshkova M.G. Savromatskie pamyatniki severo-vostochnogo Orenburzhya, Pamyatniki Yuzhnogo Priuralya i Zapadnoy Sibiri sarmatskogo vremeni. M., 1972. S. 49–78.
- [32] Kadyrbaev M.K., Kurmankulov Zh. Materialy raskopok mogilnika Besoba, Arheologicheskie issledovaniya v Otrare. Alma-Ata, 1977. S. 103–115.
- [33] Fedorov V.K. Savromato-sarmatskie kostyanyie lozhechki: k voprosu ob indoariyskikh kornyah nekotorykh yavleniy savromato-sarmatskoy kulturyi, Bashkirskiy kray. Ufa, 1992. Vol. 2. S. 80–113.
- [34] Fedorov V.K. Rasstilyaniye gallyutsinogeny v ritualnoy praktike rannih kochevnikov Evrazii i kult Somyi/Haomyi: obzor istochnikov, Voprosy arheologii Zapadnogo Kazahstana. Aktobe, 2005. Vol. 2. S. 100–110.
- [35] Vasilev V.N. K voprosu o sarmatskikh kamennykh zhertvennikakh kochevnikov Yuzhnogo Urala, Ufimskiy arheologicheskiy vestnik. 1998. Vol. 1. S. 25–43.
- [36] Tairov A.D. Kochevniki Uralo-Irtyishskogo mezhdurechya v sisteme kultur rannesakskogo vremeni vostochnoy chasti stepnoy Evrazii, Stepnaya tsivilizatsiya Vostochnoy Evrazii. Astana, 2003. T. 1. S. 157–179.
- [37] Tairov A.D. Kochevniki Uralo-Kazahstanskikh stepey v VII–VI vv. do n. e. Chelyabinsk: Izd-vo YuUrGU, 2007. 274 s.
- [38] Gutsalov S.Yu. Yarusnyie pogrebeniya Yuzhnogo Priuralya, Ufimskiy arheologicheskiy vestnik. 2004. Vol. 5. S. 135–152.
- [39] Bokovenko N.A. Rannie formy skifo-sibirskoy uzdyi, Tez. dokl. Vsesoyuzn. arheol. konf. Kemerovo, 1979. S. 67–70.
- [40] Zuev V.Yu., Ismagilov R.B. Kurgany u der. Gumarovo v Yuzhnom Priurale, Arheologicheskie pamyatniki Orenburzhya. Orenburg, 1999. Vol. 3. S. 105–112.
- [41] Tairov A.D. Pogrebalnyiy obryad rannih kochevnikov Yuzhnogo Zauralya, Rannesarmatskaya kultura: formirovaniye, razvitiye, hronologiya. Samara, 2000. Vol. 2. S. 16–28.
- [42] Savchenko E.I. Udila Srednego Dona v skifskoe vremya, Arheologicheskie pamyatniki Vostochnoy Evropy: mezhvuzovskiy sb. nauchn. tr. Voronezh, 2006. Vol. 12. S. 126–132.
- [43] Smimov K.F. Orskie kurgany rannih kochevnikov, Issledovaniya po arheologii Yuzhnogo Urala. Ufa, 1977. S. 3–51.
- [44] Smimov K.F. Rannesarmatskiy kurgan pod Novoorskom Orenburgskoy obl., Drevnosti Evrazii v skifo-sarmatskoe vremya. M., 1984. S. 10–14.
- [45] Smailov Zh.E., Seytkaliev M.K. Issledovanie nekropolya Kyiryk-Oba II v 2008 g. OtchYot o raskopkakh. Almaty, 2009, Rukopisnyiy arhiv Instituta arheologii im. A.H. Margulana
- [46] Gavrilyuk A.G., Tairov A.D. Kurgany u sela Obruchevka v Yuzhnom Zaurale, Kochevniki uralo-kazahstanskikh stepey. Ekaterinburg, 1993. S. 53–67.
- [47] Moshkova M.G. Proishozhdeniye rannesarmatskoy (prohorovskoy) kulturyi. M., 1974. 52 s.
- [48] Gutsalov S.Yu. Zauralskaya keramika v pogrebeniyakh kochevnikov Yuzhnogo Priuralya, Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Chelyabinsk, 2005. S. 84–98.
- [49] Grakov B.N. Perezhitki matriarhata u sarmatov, Vestnik drevnei istorii. 1947. No.3. S. 100–121.
- [50] Ismagil R., Sungatov F.A. Tulubay. Savromato-sarmatskiy sklep v Zaurale, Ufimskiy arheologicheskiy vestnik. 2009. Vol. 9. S. 118–126.
- [51] Olhovskiy V.S. Otchet o rabote Ustyurtskogo otryada Zapadno-Kazahstanskoy ekspeditsii Instituta arheologii MN–AN RK v 1996 godu. Almaty, 1997, Rukopisnyiy arhiv Instituta arheologii im. A.H. Margulana
- [52] Olhovskiy V.S. Drevnie svyatilisha Ustyurta: kontakty i konflikt kultur, Nauka v Rossii. 1997. No.4. S. 67–75.
- [53] Olhovskiy V.S., Galkin L.L. K izucheniyu pamyatnikov Severo-Vostochnogo Prikaspiya epohi rannego zheleza, Rossiyskaya arheologiya. 1997. No.4. S. 141–155.
- [54] Samashev Z., Ongar A., Oralbay E., Kiyasbek G. Hram-svyatilische – Kyzylyiuyk. Astana: Izdatelskaya gruppa TOO «Arheologiya», 2011. 200 s.
- [55] Zhelezchikov B.F. Rannie kochevniki Yuzhnogo Priuralya i Nizhnego Povolzhya v VI–II vv. do n. e.: nauchn. dokl., predstavlenyy v kachestve dis. ... dokt. ist. nauk. M., 1997. 56 s.
- [56] Kadyrbaev M.K., Kurmankulov Zh.K. Zahoroneniya voynov savromatskogo vremeni na levoberezhie r. Ilek, Proshloe Kazahstana po arheologicheskim istochnikam. Alma-Ata, 1976. S. 137–156.
- [57] Tairov A.D., Gavrilyuk A.G. K voprosu o formirovaniye rannesarmatskoy (prohorovskoy) kulturyi, Problemyi arheologii Uralo-Kazahstanskikh stepey. Chelyabinsk, 1988. S. 141–159.
- [58] Myishkin V.N. Kolchannyye kryuchki kochevnikov Samaro-Uralskogo regiona VII–I vv. do n. e., Arheologiya i paleoantropologiya evraziyskikh stepey i sopredelnykh territoriy. M., 2010. S. 262–279.
- [59] Smimov K.F. Savromato-sarmatskiy zverinyiy stil, Skifo-sibirskiy zverinyiy stil v iskusstve narodov Evrazii. M., 1976. S. 74–89.
- [60] Rukavishnikova I.V. Vozmozhnosti izucheniya kompozitsii zverinogo stilya rannego zheleznoy veka kak arheologicheskogo istochnika na primere zverinogo stilya Sayano-Altaya, Arheologicheskiy almanah. Izobrazitelnoye iskusstvo v arheologicheskom nasledii. Donetsk, 2010. No.21. S. 287–319.
- [61] Yablonskiy L.T. Paleodemografiya mogilnika Filippovka I (po raskopkam Priural'skoy ekspeditsii), Estestvenno-nauchnyie metodyi v izuchenii Filippovskogo I mogilnika. M.: Taus, 2011. S. 126–131.
- [62] Skripkin A.S. K probleme vyideleniya sarmatskikh pamyatnikov Aziatskoy Sarmatii II–I vv. do n. e., Rannesarmatskaya kultura: formirovaniye, razvitiye, hronologiya: mater. IV mezhdunar. konf. «Problemyi sarmatskoy arheologii i istorii». Samara, 2000. Vol. 1. S. 137–149.

- [63] Klepikov V.M. K voprosu o problemah hronologii rannesarmatskoy kulturyi, Rannesarmatskaya kultura: formirovanie, razvitiye, hronologiya: mater. IV mezhdunar. konf. «Problemyi sarmatskoy arheologii i istorii». Samara, 2000. Vol. 2. S. 87–94.
- [64] Tairov A.D., Botalov S.G. Mogilnik Karsakbas, Voprosy arheologii Zapadnogo Kazahstana. Samara, 1996. Vol. 1. S. 164–175.
- [65] Olhovskiy V.S. Pogrebalno-pominalnaya obryadnost naseleniya stepey Skifii (VIII–III vv. do n. e.). M., 1991. 256 s.
- [66] Seytgaliev M.K. Ranneprohorovskie vpusknyie pogrebeniya v kurganah nekropolya Kyryik-Oba II, Izvestiya NAN RK. Ser. obschestv. nauk. 2010. No.1. S. 46–56.
- [67] Kraeva L.A. Goncharstvo rannih kochevnikov Yuzhnogo Priuralya v VI–I vv. do n. e.: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk. M., 2008. 24 s.
- [68] Moshkova M.G. Pamyatniki rannesarmatskoy (prohorovskoy) kulturyi. Svod arheologicheskikh istochnikov. 1963. Vol. D1-10. 56 s.
- [69] Gutsalov S.Yu., Botalov S.Yu. Kurganyi prohorovskoy kulturyi v rayone g. Magnitogorska, Ufimskiy arheologicheskii vestnik. 2001. Vol. 3. S. 148–156.
- [70] Yablonskiy L.T., Trunaeva T.N., Veder Dzh., Devis-Kimball Dzh., Egorov V.L. Raskopki kurgannykh mogilnikov Pokrovka 1 i Pokrovka 2 v 1993 godu, Kurganyi levoberezhnogo Iлека. M.: Institut arheologii RAN, 1994. Vol. 2. 178 s.
- [71] Gutsalov S.Yu., Tairov A.D. Stelyi i antropomorfnyie izvayaniya rannego zheleznogo veka yuzhnouralskikh stepey, Arheologiya, paleoekologiya i paleodemografiya Evrazii. M., 2000. S. 226–251.
- [72] Tairov A.D., Ulyanov I.V. Sluchaynyie nahodki oruzhiya blizhnego boya iz kollektsii laboratorii arheologicheskikh issledovaniy Chelyabinskogo universiteta, Materialy po arheologii i etnografii Yuzhnogo Urala. Tr. muzeya-zapovednika Arkaim. Chelyabinsk, 1996. S. 139–147.
- [73] Vasilev V.N. K hronologii ranneprohorovskogo klinkovogo oruzhiya i «probleme» III v. do n. e., Materialy po arheologii Volgo-Donskikh stepey. Volgograd, 2001. Vol. 1. S. 169–179.
- [74] Klepikov V.M. Sarmaty Nizhnego Povolzhya v IV–III vv. do n.e. Volgograd: Izdatelstvo Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta, 2002. 216 s.
- [75] Hazanov A.M. Sarmatskie mechi s koltsevyim navershiem, Sovetskaya arheologiya. 1967. No.2. S. 169–180.
- [76] Skripkin A.S. Aziatskaya Sarmatiya. Problemyi hronologii, periodizatsii i etnopoliticheskoy istorii: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk. M., 1992. 46 s.
- [77] Hazanov A.M. Ocherki voennogo dela sarmatov. M.: Nauka, 1971. 171 s.
- [78] Hazanov A.M. Ocherki voennogo dela sarmatov. SPb.: Filologicheskii fakultet SPbGU, 2008. Izd. 2. 294 s.
- [79] Hazanov A.M. Genezis sarmatskikh bronzovykh zerkal, Sovetskaya arheologiya. 1963. No.4. S. 58–71.
- [80] Pshenichnyuk A.H. Kultura rannih kochevnikov Yuzhnogo Urala. M.: Nauka, 1983. 200 s.
- [81] Bisembaev A.A., Gutsalov S.Yu. Novyie pamyatniki drevnih i srednevekovykh kochevnikov kazahstanskogo Priuralya, Ufimskiy arheologicheskii vestnik. 1998. Vol. 1. S. 152–161.

ЖОҒАРҒЫ ЕЛЕК ЕРТЕ КӨШПЕЛІЛЕРІНІҢ ЖЕРЛЕУ ҒҰРПЫ (СӘПІБҰЛАҚ) ҚОРЫМЫНЫҢ ДЕРЕКТЕРІ БОЙЫНША

А. М. Мәмедов, Е. П. Китов

Ақтөбе облыстық тарихи-мәдени мұраларды қорғау жөніндегі мемлекеттік инспекциясы, Ақтөбе, Қазақстан,
Ә. Х. Марғұлан атындағы Археология институты, Алматы, Қазақстан

Тірек сөздер: Елек, Сәпибұлақ, сармат мәдениеті, ерте көшпелілердің антропологиясы.

Аннотация. Мақалада Сәпибұлақ қорымының материалдары жарияланып отыр. Қорым жоғарғы Елек ескерткіштеріне жатады. Ерте темір дәуіріне жататын Оңтүстік Орал тұрғындарының мәдениетін көрсететін материал үлкен қызығушылық тудырады. Зерттей келе, ерте көшпелілердің жерлеу рәсімінен, антропологиясы мен материалдық мәдениетінен жаңа мәліметтер алынды. Жерлеу рәсіміне келсек, кабір үсті тас құрылымы Оңтүстік Орал ескерткіштерінен өзгеше және сирек кездеседі. Бұл Елек өзені бассейнін зерттеу қандай маңызды екенін бізге тағы да көрсетіп отыр.

Поступила 11.11.2015 г.